

Александр II

Александр II вошел в историю как царь-освободитель, единственный из русских самодержцев, удостоенный этого "титула". Он не был назван современниками и историками Великим, как Петр или Екатерина, но реформы его осознаны и определены как великие. Тем интереснее попытка выявить его роль в том историческом переломе, который пережила Россия в 60-е гг. XIX века и последствия которого сказались в потрясениях XX века.

Характерны и знаменательны хронологические рамки жизни и царствования Александра II, органично вплетенные в ткань истории страны. Он родился в 1818 году 17 апреля. По признанию Н. М. Карамзина и многих будущих декабристов, образованная Россия тогда была взволнована обещаниями императора Александра I дать конституцию русским подданным, публично заявленными в его речах по случаю открытия первого сейма дарованной им Польше конституции. Великий князь Александр Николаевич стал наследником престола 14 декабря 1825 г., в день выступления и поражения декабристов. Император Александр II погиб от рук народовольцев 1 марта 1881 г., в тот день, когда он наконец решился дать ход проекту М. Т. Лорис-Меликова, сказав своим сыновьям Александру (будущему императору) и Владимиру: "Я не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции". Великие реформы остались незавершенными. Инициативная роль монархии в проведении реформ исчерпана. Освободительное движение повергло царя-освободителя, исчерпав и свои возможности и силы. Трагическое сопряжение этих дат в жизни монарха и страны очевидно.

1. Путь к совершеннолетию, воспитание, образование

Первенец великокняжеской семьи, Николая Павловича и Александры Федоровны, дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III, родился

17 апреля 1818 г. в Москве, в Кремле, был крещен в Чудовом монастыре. Особое расположение к первопрестольной столице и "добрым москвичам" в нем проявлялось на протяжении всей жизни. Подростком тринадцати лет, собираясь отправиться в Москву, он запишет в дневнике: "Я весьма рад быть с моими родителями в моей родине". Поэт В. А. Жуковский, близкий к императорской семье, приветствовал новорожденного возвышенно и пророчески: "...Да встретит он обильный честью век! Да славного участник славный будет! Да на чреде высокой не забудет святейшего из званий: человек!" Через несколько дней после появления на свет Александр назначен шефом лейб-гвардии гусарского полка, в семь лет пожалован чином корнета и далее в детском и отроческом возрасте чинами подпоручика, поручика, штабс-ротмистра, ротмистра. А при крещении был награжден высшим российским орденом Святого Апостола Андрея Первозванного.

Известный поэт и критик, профессор русской словесности с 1832 года, редактор и издатель "Современника" (1838— 1846), один из преподавателей великого князя Александра Николаевича, П. А. Плетнев в своих воспоминаниях о воспитании наследника утверждает, что никогда до императора Николая Павловича "воспитание и учение великих князей не совершали на тех простых и твердых началах", какие приняты были при нем.

Суровый и властный монарх считал, что наследник его "не должен рано отказываться от счастливого своего детского возраста", что будущий "государь тоже человек, как и все", что задача его обучения заключается "не в исключительных успехах по каким-нибудь наукам, а в общем развитии и образовании ума деятельного, светлого и многообъятного". Такой просвещенный взгляд монарха определил выбор воспитателя, наставника и всего штата учителей для наследника престола.

Придавая огромное значение нравственному становлению своего первенца, он избрал воспитателем "не знатного вельможу, не могущественного государственного человека — на что обращает внимание Плетнев, — но одного бедного офицера в капитанском чине,

лично известного ему по примерной нравственности, по благородству и нежности сердца, по преданности к исполнению долга и к высоким христианским правилам". Это был Карл Карлович Мердер, в прошлом боевой офицер, награжденный за храбрость, проявленную при Аустерлице, неоднократно раненный, затем служивший в 1-м кадетском корпусе и Школе гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, где "приобрел навык и умение обращаться с детьми". Современники единодушно в оценке Мердера как человека высоконравственного, доброго, умного, уравновешенного, волевого (что подтверждает и его дневник). Твердость и строгость характера сочетались в нем с гуманностью: в дневниковой записи 1831 г., отмечая в своем воспитаннике недостаток сострадания к бедным, он расценивал это как свое горе и ставил задачей достигнуть "того, что он будет считать единственным истинным наслаждением, — помогать несчастным". "Не избалованный счастьем в продолжение прежней своей жизни, — пишет Плетнев, — привыкнув равнодушно переносить разные лишения, соединенные с бедностью, Мердер и в новом своем положении умел сохранить во всем благородную простоту, прекрасную умеренность и трогательную предупредительность в отношении ко всем, кто бы к нему ни обращался. Он определял достоинство человека только по его внутренним качествам". В постоянном общении и безотлучном пребывании с таким воспитателем в течение десяти лет наследник "ежеминутно получал все высокие правила нравственности и жизни... С детского возраста трудная наука долга и обязанностей незаметно, постепенно развивалась и неизгладимо печаталась на сгибах молодого сердца", — уверенно заключал Плетнев.

В наставники по учебной части Николай I избрал для сына Василия Андреевича Жуковского, которого одно имя составляло "честь и славу России", считали современники. Выбор этот всех обрадовал. "Все заранее уверены были, что из этих уст не могут излиться наставления, как только служащие к благу и чести человечества". Достоинства Жуковского были хорошо известны царской семье. В 1817— 1820 гг. он преподавал Александре Федоровне, тогда еще великой княгине, русский язык по

рекомендации императрицы-матери Марии Федоровны — вдовы Павла I, при которой состоял чтецом. В течение полугода Жуковский составил специальный "План учения", рассчитанный на двенадцать лет и одобренный Николаем I. Целью воспитания и обучения провозглашалось "образование для добродетели". Жуковский считал, что "его высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным". Просвещение должно познакомить его со всем тем, что в его время необходимо для общего блага и в благе общем для его собственного. Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью".

Мердер и Жуковский, взаимно уважая друг друга, с одинаковой искренностью и преданностью отдались общему делу. Согласованность их действий никогда не нарушалась. Николай I этим выбором показал, отмечает Плетнев, "как высоко ценил он в человеке ум, нравственное достоинство и любовь к простоте жизни". Религиозное воспитание, порученное законоучителю Г. П. Павскому, также гармонично сочеталось с принципами, которых придерживались Жуковский и Мердер.

В результате наследник престола получил довольно разностороннее образование. Набор предметов обширен: русский язык, история, география, статистика, этнография, логика, философия, математика, физика, минералогия, геология и другие. С раннего детства изучались языки — французский, немецкий, английский, польский. Цель — владение разговорной речью и письмом. Дневник цесаревича (который он вел ежедневно с января 1826 г.) позволяет увидеть его за чтением истории Шотландии на английском, Литвы и Ливонского ордена на немецком, за переводом Карамзина на французский, за сочинением об открытии Колумбом Америки на английском, за переписыванием стихов на немецком и т. д. Тренировка в языках была ежедневной. Восьмилетний мальчик укоряет себя в том, что, "будучи у госпожи Ливен, стыдился говорить по-немецки" (стыдился, но уже мог, заметим в скобках). В отдельную группу выделялись занятия, направленные на развитие природных дарований: рисование, музыка, гимнастика, фехтование, плавание и многие другие виды спорта, танцы, ручная

работа, чтение, декламация. Подарки в дни рождений или православных праздников родителям, братьям и сестрам, учителям он часто делает сам, обычно это рисунки, отцу — карты России. Он любит спорт, охоту, с детства имел собак и лошадей. Меньше его увлекают танцы, хотя он знает все, что положено светски воспитанному подростку, а будучи в Москве на бале с матерью в ноябре 1831 г., сокрушается: "Мне очень стыдно, я не умею танцевать вальс, не так, как Папа это желает". А еще наследник обучался токарному и слесарному делу, для чего были приобретены необходимые станки и приходили специальные мастера.

Большое место в процессе воспитания и в жизни ребенка и подростка занимали занятия с духовным наставником Павским, регулярное чтение Евангелия (как правило, ранним утром), постоянное посещение вместе с родителями церковных служб, молебнов, участие в ритуале главных православных праздников, ежегодное причастие и исповедь. Иногда Павский читал на своих занятиях "нравственные отрывки", а четырнадцатилетний Александр, стыдясь, констатировал, что не мог взяться за работу, "ибо тело преодолевало душу". Другая запись свидетельствует: "Жуковский читал нам законы, по которым мы должны вести себя".

Нельзя сказать, чтоб наследник любил читать, но ему постоянно читали учителя, репетиторы, воспитатели. Не достигнув десяти лет, он сам прочел "Робинзона Крузо", в десять лет со своими товарищами по учебе (Паткулем и Виельгорским) слушал "Илиаду", "Дон Кихота", "Недоросля" в исполнении Жуковского, также и сочинения Карамзина. Любопытно, что точно в том же возрасте его сверстники (а в период царствования и сотрудники), братья Николай и Дмитрий Милютины, сами прочли всего Карамзина. В одиннадцать лет ему читали трагедию "Дмитрий Донской", "Полтаву" Пушкина, "Гулливера", сам Крылов читал ему свои новые басни, а в сентябре 1830 года дарит издание своих сочинений. В двенадцать лет Жуковский знакомит его с "Борисом Годуновым", а один из учителей — с "Энеем" Вергилия, Плетнев — с русскими народными повестями. Сам Александр предпочитал читать о путешествиях, великих

географических открытиях. С детства он приучался ходить в концерты, слушать музыку, итальянскую и русскую оперы, смотреть театральные постановки (один из видов наказаний было лишение театра), видел "на собрании у Мама актера Щепкина, который представлял разные сцены". И досуг был построен так, что продолжал процесс обучения. Находясь с родителями в Москве, он читает книгу по истории города, посещает с матерью достопримечательности: Донской монастырь, где "все любопытное осмотрели с Мама", Семеновский монастырь, выставку промышленных изделий, Дом труда и многое другое. Праздность в семье Николая I порицалась, бездарное времяпрепровождение даже в течение часа считалось недопустимым, хотя детей вовсе не лишали забав, игр, увеселений, общения с друзьями. Наследника не лишали детства и отрочества.

Мальчик рос впечатлительным, очень чувствительным и вместе с тем веселым, резвым. "Был вне себя от радости", "от радости прыгал" — часто мелькает в дневнике. Он бурно радуется возвращению домой из путешествия, жаворонку в небе, цветам в поле, прогулке в саду в 5-6 часов утра, целует сестру Ольгу "так крепко, что она заплакала", а известие о рождении еще одного брата, Михаила, приводит его в такой восторг, что он "не мог заснуть, движимый чувством необыкновенной радости". Он любит веселье ("милая веселость, ему одному свойственная", по признанию Мердера) и осуждает в себе плохое настроение или скуку, что, впрочем, случалось редко, напротив, запись "день провел весело" обычна для дневника.

Но не менее обычна другая — он часто плачет и по разным поводам: "плакал, ибо не хотел держать пера, как должно", "озябли руки, плакал", "скакал на диване, разбил нос и плакал", "сердился и плакал", "зажег порох, обжег руку, не мог удержаться, плакал", "на занятиях плакал", "ленился и оттого плакал", "плакал потому, что был невнимателен", часто мелькает — "плачу без причины". 31 декабря 1827 г. он запишет: "Надеюсь, в будущем году не буду столько без причины плакать". Но не удержится, 24 мая 1828 г. признается: "К. К. (Карл Карлович Мердер. —

Л. З.) сказал мне, что я на каждую безделицу плачу", а спустя месяц: "Вел себя весьма неприлично. Плакал о том, что я должен был выучить урок". 25 апреля 1828 г. десятилетний Александр записал в дневнике: "Прощался с Папа. Он едет в Тульчин. Папа мне сказал, что когда мне захочется плакать, то вспомнить, что я солдат". С годами слезы в дневнике становятся не так обильны, но вспышки гнева настораживают и пугают наставников и учителей. Характерна запись 3 января 1828 г.: "Вечером, когда мы играли, Карл Карлович меня похвалил, ибо когда я кинул в Петю Мердера (сын воспитателя. — Л. З.) мячик и попал прямо в лицо и когда потом он в меня также кинул, то я не рассердился и не кинулся как бешеная собака на него". В этом месте на полях помета рукой Жуковского: "Мне это было больно читать. Видно, что Вам часто случается сердиться на шутку, как Вы этот случай записали, как хорошее дело". Вспыльчивость и несдержанность были характерны для Александра Николаевича и, как правило, сменялись раскаянием. Он мог крикнуть на лакея, быть невежлив со старшим. Будучи десяти лет, он как-то на уроке отвлекся, глядя на кошку, учитель Юревич хотел ее прогнать, на что ученик ему сказал: "Лучше пойдите прочь, нежели взять кошку" — и тут же "сожалел о своей грубости". Эта неуравновешенность с годами не сгладилась. Уже императором он мог плюнуть в лицо незадачливому собеседнику, раскричаться, но тут же обнять, обласкать, просить прощения за свой необузданный порыв.

И все же его сердечность, любовь и доброжелательность к людям, привязанность к родителям, "бесценным" Мама и Папа (как он их называл), к сестрицам и братьям, к учителям и товарищам по учебе и играм, к друзьям, некоторые из которых прошли через всю его жизнь, как, например, Александр Адлерберг, были очевидны, несомненны для всех окружающих. "За сердце ваше мы все отвечаем смело", — говорил ему Жуковский. "Нежное чувство к родителям — одно из прекрасных качеств великого князя", — отмечал Мердер. И не ошибался, сам находясь в этой орбите любви. Когда Мердер уехал на лечение за границу, любящий ученик записал 12 марта 1833 г.: утром встал с

ощущением, что "чего-то недостает" — "у меня нет моего второго отца". Когда позже пришла весть о его смерти, родители долго не решались сказать об этом сыну.

И вместе с тем все учителя встревожены явной склонностью своего питомца к лени, отсутствием воли, периодически наступавшим состоянием апатии. И сам Александр сознает свои недостатки как порок. Он поверяет дневнику свою тревогу и раскаяние: "за уроком был вял", "неохотно занимался" (это частая запись), "К. К. сказал, что когда я должен мои уроки делать, то я не знаю, какие тетради взять", "мною лень овладела, и я не мог ее переломить", "вел себя совсем неприлично, не знал заданного урока, был невнимателен и буфонил", "я слишком вял". 14 января 1830 г. он записал: "Дал слово К. К., что буду стараться с сегодняшнего дня превозмогать себя в моей лености", а 7 февраля: "Стараюсь каждый день приобрести твердую волю". Когда Николай I выразил свое неудовольствие успехами и поведением сына, тот записал 9 апреля 1830 г.: "Недостаток воли есть причина всех сих неудовольствий". Вскоре, 30 апреля, он сам себя стыдится, признавая: "предпочитаю праздность занятию". Подросток переживает, хочет превозмочь себя. 11 февраля 1831 г. он пишет: "Вечером мы с К. К. говорили, и я решил совсем перемениться". 16 февраля: "Проснулся сегодня с желанием исполнить все мои обязанности", но эти благие порывы быстро проходят, и лень снова овладевает им.

Неизменно доброжелательный, любящий, но взыскательный, Мердер дает такую характеристику десятилетнему мальчику: "Великий князь, от природы готовый на все хорошее, одаренный щедрою рукою природы всеми способностями необыкновенно здравого ума, борется теперь со склонностью, до сих пор его одолевавшею, которая при встрече малейшей трудности, малейшего препятствия приводит его в некоторый род усыпления и бездействия". Даже после удачно сданных экзаменов, зимой 1828 г., которыми остался доволен Николай I, в своем отчете он заключает, что это результат не столько собственного труда ученика, сколько усилий учителей и репетиторов, что великому князю недостает

"постоянной деятельности", что слишком часто его приходится "понуждать" к вниманию и работе. О том же тревожится и Жуковский, увещевая своего воспитанника завоевать уважение учителей, для чего есть одно средство: "Владейте собою, любите труд, будьте деятельны". К. И. Арсеньев, известный ученый, статистик, прочитав сочинение своего ученика по истории России, "захотел плакать с досады", так как "начало было сделано хорошее, но остальное с величайшим нерадением". После этих замечаний наследник престола дает слово исправиться и на какое-то время становится прилежным, иногда же с отчаянием говорит Мердеру, что не хотел бы родиться великим князем, признается, что "ему случается весьма часто не на шутку сердиться на тех, которые напоминают ему его долг". В конце концов Мердер приходит к заключению, что "лень у Александра Николаевича есть главный недостаток, от которого проистекают все прочие": самоуверенность, отсутствие сильных желаний, настойчивости и постоянства, недостаток воли. Стимулом для усердия и деятельности часто является не внутренняя потребность, а тщеславие, стремление угодить отцу, заслужить похвалу родителей и учителей, получить отметки не ниже своих товарищей по учебе (Иосифа Виельгорского и Александра Паткуля, с которыми воспитывался). И сам наследник сознавал свои недостатки. 2 февраля 1830 г. он делает характерную запись: "Не имею никакой охоты заниматься, мне начало быть только тогда весело, когда я кончил заниматься". А еще два года спустя пишет: "К. К. мне заметил, что я ни за что не могу приняться, не шутя".

И все— таки, несмотря на леность, отсутствие глубокого внутреннего интереса к учебе, кругозор наследника расширялся, знания накапливались, он взрослел, начинал задумываться над серьезными вопросами. 24 февраля 1832 г. в дневнике запись: "Я до сих пор еще ни к какой науке не показывал особенной страсти, постараюсь, чтоб она во мне открылась к истории, ибо я вижу, сколько сия наука впоследствии мне будет полезна". Такое заключение сделано, видимо, не без воздействия Жуковского, который считал, что "история из всех наук

самая важная, важнее философии, ибо в ней заключена лучшая философия, то есть практическая, следовательно, полезная", что "сокровищница просвещения царского есть история, наставляющая опытами прошедшего или объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть главною наукою наследника престола". История преподавалась всеобщая и отечественная, с древнейших времен до современности, учителя часто прибегали к сравнительно-историческому методу, так что события российской истории рассматривались синхронно с происходящими в Европе и на Востоке, Жуковский учил составлять таблицы. Наследник вел свою "историческую тетрадь". Среди изучавшихся тем мелькают и такие, знание которых будет практически необходимо в предстоящей государственной деятельности, например, "История славянских народов и турок", "Распространение России" и т. д. В 1830 г. М. М. Сперанский подарил наследнику составленное под его руководством Полное собрание законов Российской империи в 44 томах. Николай I часто дарил сыну в день рождения, именин или в связи с каким-то другим поводом книги по истории. История в императорской семье была в почете.

Однако в значительно большей степени Николая I, в отличие от воспитателей и учителей, беспокоило обучение своего наследника военным наукам и военному делу. С удивительной прозорливостью Жуковский, только что приступив к обязанностям наставника, понял грозящую его целям и его питомцу опасность. Он излил свою тревогу и свое смятение в глубоко искреннем письме к императрице-матери. Он писал 2 (14) октября 1826 г. из Дрездена, только что завершив составление своего "Плана учения" наследника: "Я в газетах прочитал описание развода, на котором наш маленький великий князь явился верхом и пр. Эпизод, государыня, совершенно излишний в прекрасной поэме, над которой мы трудимся. Ради Бога, чтобы в будущем не было подобных сцен. Конечно, зрители должны были восхищаться появлением прелестного младенца; но какое же ощущение произвело подобное

явление на его разум? Не понуждают ли его этим выдти преждевременно из круга детства? Не подвергается ли он опасности почитать себя уже человеком? Все равно если бы восьмилетнюю девочку стали обучать всем хитростям кокетства! К тому же эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением. Должен ли он быть только военным, действовать в сжатом горизонте генерала? Когда будем смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение, нравственность! Государыня, простите моим восклицаниям; но страсть к военному ремеслу стесняет его душу: он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве — казарму. Мы видели плоды этого: армии не составляют могущества государства. Если царь занят одним устройством войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14-е декабря. Не думайте, государыня, что я говорю лишнее, восставая с таким жаром против незначущего, по-видимому, события. Нет, государыня, не лишнее! Никакие правила, проповедуемые учителями в классах, не могут уравновеситься с впечатлениями ежедневной жизни". И в "Плане учения" Жуковский провозгласил: "Истинное могущество государства не в числе его воинов, а в благоденствии народа".

Спустя три года сам военный воспитатель Мердер подтвердит тревоги Жуковского. "Желал бы убедиться, — отметит он в своих „Записках“, — что частые появления его высочества на парадах, видя, что из парада делают государственное дело, не будут иметь на него дурных последствий: легко может придти ему мысль, что это действительно дело государственное и он может ему поверить". Но жизнь убеждала в другом.

Александр с детства любил бесконечные смотры, парады, военные праздники, военные игры со сверстниками, в которых часто принимал участие Николай I и его брат, великий князь Михаил Павлович (также другие члены императорской семьи), и пронес это увлечение через всю жизнь. И если Николай I иногда проявлял тревогу по поводу излишнего увлечения сына парадной стороной военного дела, то по совершенно иным мотивам, чем его воспитатели. В 1832 г. он выговаривал Мердеру: "Я заметил, что Александр показывает вообще мало усердия к военным

наукам; я хочу, чтобы он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военным в душе (курсив мой. — Л. 3.), без чего он будет потерян в нашем веке; мне казалось, — продолжал государь, — что он любит только мелочные подробности военного дела".

Понятно поэтому, что попытка Жуковского с самого начала ограничить время занятий военным делом шестью неделями в году в летние месяцы не удалась. Невозможно было противостоять военному направлению могущественного российского самодержца и его двора. Из бойкого в военной игре подростка выходил молодцеватый, ловкий офицер. Еще восьмилетним мальчиком в церемониальном марше он мог лихо проскакать полфланга кавалерийской колонны, в 11 лет командовал ротой, в 14 — в первый раз командовал взводом за офицера во время учений 1-го кадетского корпуса. Он любил Марсово поле, с удовольствием красовался на парадах, вызывая восторг окружающих и неумолчные крики "ура". Его дневник пестрит свидетельствами душевного расположения ребенка и подростка к военным забавам, к всевозможной военной атрибутике, к военным делам взрослых. Он любил играть в солдатиков и выстраивать свою игрушечную армию, любил встречаться с кадетами и приглашать их в гости, любил наряжаться в различные военные мундиры, которых имел множество (и не только российской армии, но и иностранных держав).

Из всех государственных дел своего отца, которые он мог наблюдать или о которых слышал от взрослых, он фиксировал в своем дневнике почти исключительно только дела военные, победы русской армии, русского оружия. Первые такие записи появляются во время русско-турецкой и русско-персидской войн. 22 октября 1827 г.: "Вечером получили радостное известие от лорда Кадрингтона, что русские, англичане и французы победили весь турецкий флот"; 8 ноября: "Получили известие, что столичный город ихний Тавриз сдался"; через полгода, 14 марта 1828 г.: "Г(осподин) Грибоедов приехал из Персии и привез счастливое известие, что в Персии мир". А дальше регулярные известия от самого

Николая I, отправившегося на юг страны, поближе к театру военных действий: сдача Бухареста, переход через Дунай, взятие Браилова, Анапы, Карса, Поти, Ахалкалаки, Варны, позже, после возвращения отца в 1829 г., — взятие Эрзерума и известие о мире, подчеркнутое несколькими штрихами. С особым почтением Александр упоминает не раз о герое этих событий — графе Паскевиче-Эриванском, ставшем в 1831 г. еще и князем Варшавским за победы над поляками. О событиях Польского восстания 1830-1831 гг. он записывал столь же подробно, как и о войнах, но с оттенком тревоги, сам провожает полки, уходящие в Польский поход, а потом радостно их встречает. Вообще усилия отца-самодержца дали свои плоды: формировался человек военный по своим вкусам, привычкам, мироощущению, по своему окружению.

Но и старания Жуковского не проходили бесследно. 5 августа 1831 г. наследник пишет: "Я начинаю чувствовать удовольствие в занятиях и понимаю теперь, что непременно нужно учиться, ибо без того я сам буду несчастлив и сам сделаю несчастье целых тысячей".

Конечно, затем следовали срывы и отклонения. Но вот 15 сентября появляется запись-размышление, которая, как моментальный снимок, фиксирует кадр в процессе формирования мировоззрения подростка: "Г(осподин) Липман (один из учителей истории. — Л. З.) мне говорит, что он предпочитает государя, заботящегося об образовании народа своего, тому, который только думает о завоеваниях; мысль сия мне кажется весьма справедливой. Первая забота государя, по моему мнению, есть попечение о благоденствии своих подданных. Государь-завоеватель поступает вопреки сему правилу". А однажды появляется совсем удивительное и самостоятельное философское размышление о законах человеческого бытия. 14 апреля 1831 г., накануне своего четырнадцатилетия, наследник запишет: "Мы были на кладбище в Александро-Невской лавре. Смотря на памятники, я думал про себя о ничтожестве человека, ибо после смерти, как бы знатен и богат он на земле ни был, ему достаточен только маленький клочок земли, чтобы покоиться".

Если несомненным является факт, что Александр не обладал твердым характером, сильной волей и целеустремленностью, то также несомненно надо признать, что в нем не было узкой ограниченности, догматизма, тупой прямолинейности. При всех своих недостатках он сочетал в себе много способностей, широту восприятия жизни, любил людей, общение со сверстниками, имел отзывчивое и доброе сердце, был человечен. Проявление такого характера в зрелые годы, действие такой личности после занятия трона во многом могло зависеть от обстоятельств.

Как относился наследник престола к уготованной ему судьбой роли, что знал о ней, что слышал от родителей? Николай I рано стал говорить сыну о его предназначении, которое в беседах и в переписке называлось словом "обязанность". Восьмилетнему мальчику отец внушает, что "жить он должен для других". Накануне исполнения девяти лет, 16 апреля 1827 г., дарит портрет Петра Великого с пожеланием "быть ему подобным". 1 января 1828 г. наследник престола запишет в дневнике: "Г(осподин) Жуковский подарил мне картину, представляющую отрочество Александра Невского. Желал бы следовать его примеру". 23 января 1829 г. запись: "Папа мне сказал, что мне надо постоянно исполнять обязанность мою". Но это, по признанию самого Александра, получалось плохо. Запись в дневнике 6 февраля 1830 г.: "Зная, что я могу делать хорошо, я все делаю худо, что мне крайне прискорбно. Все еще не могу владеть собою. По примеру великих людей древности буду стараться подражать им". Но осуществить такие решения трудно. Дневник пестрит признаниями в нарушении "своей обязанности". 2 января 1832 г., устав от этой внутренней борьбы, он делает очередную запись: "Мысли не исполнять мою обязанность меня все мучают". По признанию Мердера, с ним периодически случались приступы отчаяния от сознания необходимости готовиться к предстоящей в будущем роли. Призвание к масштабной государственной деятельности, видимо, не было даровано природой Александру, как, к примеру, его великому предку Петру I, с детства устремленному к своему предназначению.

Но время шло, совершеннолетие приближалось, и наставления отца

становились настойчивее. 6 апреля 1832 г., перед исповедью, за несколько дней до Светлого Воскресения, Николай I благословил сына и сказал: "Ты уже больше не дитя, ты должен готовиться заместить меня, ибо мы не знаем, что может случиться с нами. Старайся приобретать силу характера и твердость", а 24 июня того же года, после поздравления отца с "наканунием" дня рождения, сын записал: "Папа меня обнял, поцеловал и сказал, чтоб я готовился быть его подпорою в старости". Серьезный разговор состоялся 11 марта 1833 г., в день ежегодной панихиды по Павлу I. После службы возвращались пешком из Петропавловской крепости по Английской набережной, потом, как пишет Александр, "обедал один с моим бесценным родителем, и тут Папа мне рассказал, как императрица Екатерина заставила Петра III низложиться, как он был убит Орловыми в Ропше, как она взшла на престол, обходилась с Павлом и, наконец, о вступлении на престол Павла I и его умерщвлении, и не велел мне никому о сем говорить". Больше об этом он ничего не записал, но нетрудно представить, какое смятение в душе впечатлительного подростка мог оставить этот рассказ. Если раньше, семилетним ребенком, он стал свидетелем декабрьских событий 1825 г., о которых семейная традиция слушать молебен в церкви Аничкова дворца ежегодно 14 декабря не позволяла забыть ("день, который я никогда не забуду", — писал наследник в дневнике), то теперь он узнал о кровавых делах, но не на площади, а во дворце, в самой императорской семье.

И все же эти тяжелые впечатления не определяли общую атмосферу доброжелательности, любви и взаимопонимания, в которой рос и формировался цесаревич. "Нельзя было без умиления смотреть на картину семейного счастья, какую представляли собой ежегодно эти соединения всех лиц императорской фамилии, всех участников в воспитании цесаревича и даже посторонних людей, которых государь не отделял от домашнего своего круга", — писал Плетнев о традиции проведения экзаменов. И сами эти необычные экзамены "походили на семейные свободные беседы, при которых и экзаменующиеся, и

преподаватели, и слушатели непринужденно участвовали в одном общем разговоре, высказывали мнения свои не напоказ, не с чужих слов вытверженные, а приводя свою мысль..." Близость отца с сыном, о чем свидетельствует обильная переписка, прочные семейные традиции, потребность вместе проводить досуг (семья Николая I составляла даже оркестр, в котором у каждого был свой музыкальный инструмент) не позволяли надолго сосредоточиться на мрачных мыслях и в целом способствовали становлению личности искренней, жизнерадостной, человеческой.

17 апреля 1834 г., в день совершеннолетия, великий князь Александр Николаевич произнес "клятвенное обещание в лице наследника престола" в большой церкви Зимнего дворца и в Георгиевском зале. К присяге по поручению Николая I его готовил М. М. Сперанский. Сообщая об этом важном дне Мердеру, уехавшему в Европу на лечение, любящий воспитанник помимо восторженного описания торжества и самого текста присяги не забыл перечислить в письме и полученные подарки: "От Папа коллекцию российских исторических медалей и две турецкие сабли, от Мама — большой надувающийся глобус... часы узнавать время на всей земле... Костя подарил мне разные охотничьи вещи, а сестрицы свои портреты, сделанные Брюлловым". День этот оказался отмечен неожиданным и памятным событием. Финский минералог Н. Норденшильд 17 апреля 1834 г. открыл на Урале неизвестный ранее ценный минерал и назвал его в честь совершеннолетия наследника александритом. Позднее некоторые мемуаристы увидели в этом факте опасное предзнаменование. Изменчивый цвет камня от синевато-зеленоватого при солнечной освещении до малиново-красноватого при искусственном ассоциировался со светлыми надеждами начала царствования и кровавым финалом его конца.

Спустя год после присяги 17-летний наследник престола был предупрежден отцом о возможности его неожиданного воцарения в случае внезапных трагических событий, связанных с поездкой императора в Польшу. История эта не нашла отражения в литературе, но

в действительности произвела сильное впечатление на цесаревича. Летом 1835 г. Николай I собирался в длительное путешествие, главной задачей которого был смотр войск и маневры в Калише в присутствии прусского короля (тестя российского самодержца) Фридриха-Вильгельма III. Наследник оставался дома. О причинах такого решения родителей великий князь писал в своем дневнике 18 июля: "Он (Николай I. — Л. 3.) говорил, что поляки везде покушаются на его жизнь, что если мы вместе будем, то они верно нас обоих не пощадят, и что тогда с Россиею будет, останется один Костя (великий князь Константин Николаевич, второй по старшинству, восьмилетний сын Николая I. — Л. 3.), и что потому гораздо благоразумнее мне остаться..." А 30 июля запись дневника свидетельствует, что Николай I вручил сыну "конверт запечатанный", который он "должен вскрыть только после его кончины". 1 августа император с супругой, двумя детьми и свитой отбыл из Кронштадта, благословив сына. При прощании "все обливались слезами".

Вести от отца ожидались с тревогой. И уже 5 августа наследник записал в дневнике разговор со своим воспитателем князем Ливеном, который сказал, "что, к несчастью, он получает от всех сторон дурные вести об заговорах поляков на жизнь моего бесценного Папа, вся моя надежда на Бога". 11 августа в письме к отцу любящий сын искренне признается: "Не могу скрыть, что мысль, что я не еду в Калиш, меня мучает, но я считаю это первой жертвой в пользу Отечества (курсив мой. — Л. 3.), и эта мысль меня утешает, зная при том, что я исполняю волю, для меня священную, волю моего бесценного отца. Постараюсь сдержать мое слово и употребить столь драгоценное для меня время в пользу, дабы скорее быть готову на службу". А 25 августа высказывает надежду, чтобы "бесценный Папа выехал бы поскорее из этой негодной Польши". Степень опасения и тревог самого Николая I вполне передается его речью перед польской депутацией 4(16) октября в Лазенках. "Если вы, — заявил он грозно, — не перестанете питать преступные мечты о народности и независимой самостоятельности Польши, вы только навлечете на нее величайшие несчастья; я воздвиг Александровскую крепость и объявляю

вам, что при малейшем смятении прикажу разрушить город, уничтожу Варшаву..." Однако ожидаемых эксцессов не произошло, пребывание императора в Польше завершилось благополучно. Долгожданное возвращение домой состоялось, и при первой же встрече, 30 октября, сын вернул нераспечатанный конверт. На следующий день император вновь вручил наследнику конверт, "теперь уже для сохранения", и "воротившись домой, — писал наследник в дневнике, — я прочел эту бумагу: слезы у меня невольно лились".

На случай "исполнения злых умыслов" поляков Николай I завещал сыну покориться воле Божией и "думать о России". Спустя 10 лет после восстания декабристов он допускал возможность повторения аналогичных событий. "Ежели, что Боже сохрани, случилось какое-либо движение или беспорядок, — решительно наставлял он, — садись сейчас на коня и смело явись там, где нужно будет, призвав, ежели потребно, войско, и усмиряй, буде можно, без пролития крови, но в случае упорства, мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасешь Россию".

Первые год или два после воцарения Николай I просил сына не изменять ничего, "ни лиц, ни порядок дел", и уже затем, ознакомившись с делами, царствовать. Среди забот своего юного преемника на первое место он ставил внимание к армии: "Будь к войску милостив, доверчив и береги их". Дальше следовало указание соблюдать строго "все, что нашей церковью предписывается". Эта надежда и внутренняя установка на армию (особенно гвардию) и Бога (религию, Церковь) — глубоко укоренившееся убеждение Николая I. В многочисленных письмах неоднократно, в разных вариантах, он внушал свое миропонимание сыну. Усилия эти не были бесплодны, складывался определенный менталитет российских самодержцев.

Отец— самодержец призывал сына "вести себя так, чтобы мог служить живым образцом". Перечень вполне конкретных предстоящих обязанностей начинается со "священной" -долга сына перед матерью: "утешать, беречь, чтить и слушать ее советов". Далее следует забота о

братьях, которым придется "служить отцом", "смотри, чтоб были Русские, это значит все, что долг их составит", — строго наставлял он сына. По отношению к сестрам просил нежно любить их, "соблюдая, елико можно, счастье с пользами государства, которого они собственность".

Очертив круг семейных обязанностей, Николай I вполне определенно наметил и государственные. Их фактически названо две, и обе касаются международных отношений и имперской политики. "С иностранными державами, — писал он, — сохраняй доброе согласие, защищай всегда правое дело, не заводи ссор из-за вздору, но поддерживай всегда достоинство России в истинных ее пользах. Не в новых завоеваниях, но в устройстве ее областей отныне должна быть вся твоя забота (завет, заметим от себя в скобках, оставшийся, к сожалению, в забвении. — Л. 3.). Не давай никогда воли полякам, упрочь начатое и старайся довершить трудное дело обрусевания сего края, отнюдь не ослабевая в принятых мерах". О проблемах внутренней политики, которыми именно в это время сам он был озабочен, и особенно о крестьянском вопросе, не сказано ни слова. Эта "короткая словина" заканчивалась предупреждением пренебрегать ругательствами и пасквилями, но "бояться своей совести" и возлагать всю свою надежду на всемилостивого и великого Бога русского.

Нетрудно представить силу воздействия этого документа на впечатлительного и очень эмоционального наследника. На переживания семилетнего ребенка, ставшего свидетелем декабрьских событий воцарения отца, на потрясение подростка, узнавшего о придворных заговорах, жертвами которых пали Петр III и Павел I (родной и почитаемый в семье дедушка), наложились новые и не менее острые (к тому же более осознанные) опасения польской угрозы императорской семье. Насколько глубоко они запали в душу, скажется три десятилетия спустя, когда свершится первое покушение на Александра II Д. Каракозова. Царь-освободитель будет уверен, что стрелял поляк. Трудно, мучительно постижимым окажется не само признание террористического акта, а тот факт, что исполнителем его был русский.

2. Венчание с Россией, знакомство с Европой и женитьба

Вместе с совершеннолетием подошла к завершению и программа обучения, которая, по мнению Плетнева, "включала общепринятые названия гимназического и университетского курсов". В заключение прибавлялись специальные курсы, в которые "вошли предметы, непосредственно касавшиеся высокой будущности наследника престола". В этот "окончательный период учения" занятия в основном вели высшие государственные сановники. Сам М. М. Сперанский в течение полутора лет читал "Беседы о законах". И хотя знаменитый автор "Плана государственных преобразований" (1809 г.), некогда почитаемый декабристами за конституционные идеи, пройдя тернистый жизненный путь, давно отошел от своих радикальных замыслов и стал вполне благонамеренным сторонником "чистой монархии", он все же пытался внушить своему ученику уважение к закону, проводил границу между самодержавием и самовластием, подчеркивая "пределы власти" монарха-самодержца. Читались еще три курса: министра финансов, известного русского финансиста Е. Ф. Канкрин — "Краткое обозрение русских финансов", советника Министерства иностранных дел барона Ф. И. Брунова об основах внешней политики России с царствования Екатерины II, генерала А. Жomini, военного историка и теоретика (в прошлом начальника штаба маршала Нея, перешедшего на русскую службу в 1813 г.), о военной политике России и стратегических отношениях с соседними государствами — на французском языке. Благодаря воспоминаниям Плетнева становится известна очень важная деталь обучения наследника в эти годы. Оказывается, в числе специальных курсов "важнейшее место занимали многочисленные дополнения из отечественной истории. Они состояли в подробных рассказах о событиях негласных и по важности своей тем более необходимых для сведения наследника престола. Каждое дело подобного характера представляемо было Его Высочеству в подлиннике, переданное из Государственного архива и приготовленное к слушанию преподавателем русской истории... Сколько зрелости мыслям

должны были придать высокие и трагические уроки политических и частных колебаний, вызванных на новый суд и воскресивших время, к которому никто еще из нас не безучастен" (XVIII век. — Л. 3.). Быть может, усвоенная в это время привычка обращаться к архивным материалам сказалась по прошествии многих лет в практике императора. Приступ к подготовке отмены крепостного права он начнет с распоряжения собрать все дела по крестьянскому вопросу из архивов государственных учреждений в Министерстве внутренних дел, которые и станут главным двигателем реформы.

В довершение воспитания и образования наследника Николай I запланировал два путешествия — по России и за границу. Все, что прежде вызывало только деятельность мысли, теперь должно было служить "источником практического изучения человека и силы его духа", должно было способствовать развитию и зрелости чувств и разума, становлению личности.

14 апреля 1837 г. в Аничковом дворце перед исповедью, за три дня до исполнения девятнадцати лет, Николай I вручил сыну "Инструкцию для путешествия по России". Наследнику предстояло знакомство с родной страной.

Какое значение придавалось этому предприятию, видно из первых строк "Инструкции", или "наставления", как значится в надписи на конверте, в котором она хранилась, сделанной рукой венценосного путешественника. "Предпринимаемое тобой путешествие, любезный Саша, — писал отец, — составляет важную эпоху в твоей жизни. Расставаясь первый раз с родительским кровом, ты некоторым образом как бы самому себе предан, на суд будущим подданным, в испытании твоих умственных способностей. „...“ Взирать тебе следует не с одной точки любопытства или приятности (на это путешествие. — Л. 3.), но как на время, в которое ты, знакомясь с своим родным краем, сам будешь строго судим.

Первая обязанность твоя будет все видеть с тою непременною целью, чтобы подробно ознакомиться с Государством, над которым рано или поздно тебе определено царствовать.

Потому внимание твое должно равно обращаться на все, не показывая предпочтения к какому-либо одному предмету, ибо все полезное равно тебе должно быть важно; но притом и обыкновенное тебе знать нужно, дабы получить понятие о настоящем положении вещей".

Император-отец наставлял сына и на предмет тактичности поведения: "Обращение твое (с людьми. — Л. 3.) должно быть крайне осторожно, непринужденно, простота и ласковость со всеми должна к тебе каждого расположить и привязать „...“.

Суждения твои должны быть крайне осторожны, и тебе должно, елико можно, избегать сей необходимости, ибо ты едешь не судить, а знакомиться, и, увидев, судить про себя и для себя".

Инструкция содержала и более конкретные указания на стиль и характер поведения с представителями разных сословий. "С дворянством обходиться учтиво, отличая тех, кои прежней службой или всеобщим уважением того заслуживают. „...“ С купечеством ласковое, приветливое обхождение будет прилично, отличая среди них, кои известны своею добросовестностью или полезными предприятиями. С простым народом доступность и непритворное ласковое обращение к тебе привяжут его. Где смотреть будешь войска, помни, что ты не инспектор. „...“ С духовенством соблюдай учтивость и должное уважение".

Заботливый отец и проницательный наставник предупреждает юного и неопытного наследника от соблазна тщеславия, самолюбия, предупреждает о предстоящем большом и ежедневном труде. "Нет сомнения, — пишет он, — что тебя везде с искреннею радостью принимать будут, ты внутри России увидишь и научишься чтить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность, но не ослепись этим приемом, и не хотя не заслуженное тобой (так в тексте. — Л. 3.), тебя примут везде как свою Надежду. Бог милосердный поможет ее оправдать, ежели постоянно перед глазами иметь будешь, что каждая твоя минута должна быть посвящена матушке России, что твои мысли и чувства одну ее постоянным предметом иметь будут".

В своих наставлениях отец и самодержец не забыл и о науке

человеческих взаимоотношений и культуре поведения. "С тобой едет к[нязь] Ливен и прочие тебя окружающие. В частых с ними разговорах и в сообщении им твоих впечатлений получишь ты поверку в их правильности. „...“ Ненужно мне припоминать тебе, с каким уважением ты с ним (Ливеном. — Л. З.) обращаться должен. То же внимание имей и к прочим твоим спутникам, с товарищами будь дружен по-прежнему, но в обществе соблюдай всегда должное приличие с ними, не позволяя себе никакого запанибратства". Отец требует, чтобы сын вел журнал своего путешествия регулярно, письма же писал "только на досуге, просто как лучшему своему другу". Характерны последние строки "Инструкции": "Ступай, с теплой молитвой, с надеждой на милость Божию. С Богом".

Помимо этой "Инструкции", предназначенной и врученной лично наследнику, Николай I составил "Общую инструкцию" для всех участников путешествия, датированную 3 марта 1837 г. в Петергофе. Она была вручена князю Ливену, у которого и хранился оригинал. Эта "Инструкция" отличается строгой регламентацией. Чтобы "узнать Россию", "осматривая все любопытные предметы, откинуть излишнее": фабрики или заводы "посещать те только, которые приобрели заслуженно знаменитость"; "осмотру подлежат будут везде непременно все казенные учебные заведения, госпитали, „...“ заведения приказов общественного призрения. Казармы осматривать тогда, когда только позволит время". Регламентировался и порядок дня: "Вставать в 5-ть часов и ехать в 6-ть утра, не останавливаясь для обеда, ни завтрака на дороге до ночлега". Отклонение от этого жесткого правила допускалось только в случае осмотра "любопытного предмета". По приезде на место в губернском городе в первую очередь надо было посетить собор, "или даже в уездном". А затем "по приезде на квартиру обедать, призывая к столу только губернатора, вечер посвятить записыванию в журнал всего виденного в течение дня и лечь спать пораньше".

Наследнику не разрешалось нигде принимать приглашения к обеду, допускалось только приглашение на бал в губернских городах. Самодержавный родитель регламентировал даже набор танцев: "Его

Высочеству танцевать с некоторыми из почтенных дам польский; с молодыми же знакомыми или лучше воспитанными французские кадрили два или три, но никаких других танцев. На ужин не оставаться и вообще не более часу или двух, и ужинать неприметно". Предусматривалась и форма одежды в путешествии: в дороге наследнику и всей свите быть в сюртуках, в городах во время осмотра — в обыкновенных мундирах, в губернских городах при принятии представителей наследнику — в полковом мундире и шарфе, при смотре дивизии — в полной парадной форме.

Особенно подробно расписано пребывание в Москве. Остановиться предписывалось в Чудовом монастыре, "в месте своей родины, в моих комнатах, в которых провел первую ночь своей жизни". Приехать в Москву следовало поздно вечером. "На другое утро в полной парадной форме следовать в Успенский собор, потом чрез Красное крыльцо в Грановитую палату и во Дворец". Далее наследник должен был посетить военного генерал-губернатора, а после того быть к разводу войск. Затем быть в Чудовом соборе; придя же к себе, принять представителей всех военных, гражданских чинов и купечества. Во время прогулки следовало "остановиться у образа Иверской Божьей Матери и приложиться". Из всей московской знати Николай I выделил князей Голицыных, которых наследник обязан был посетить. В программу отдыха входило и посещение "Русского театра".

Из других городов, включенных в маршрут, точно расписывалось пребывание в Киеве. Наследник должен был приехать под вечер, "прямо в Печерский монастырь, где приложиться к образу и мощам в соборе и после того ехать на свою квартиру". Предусматривалось посещение Софийского собора, пещер Печерского монастыря, Арсенала, войск.

Для издержек на путешествие наследника выделялась первоначально сумма в 50 тысяч рублей, и кредит еще на такую же сумму возлагался на губернские казначейства, когда первая сумма истощится.

В путешествии наследника сопровождал значительный штат: фельдъегеря, кухня, камергер, доктор Енохин, воспитатели и наставники

В. А. Жуковский и князь Ливен, полковник Юрьевич, а также генерал-адъютант А. О. Кавелин (тот, который по поручению Николая I 14 декабря 1825 г. перенес испуганного семилетнего наследника из Аничкова дворца в Зимний), молодой друг великого князя Александра Николаевича В. И. Назимов, тогда полковник, а в первые годы царствования Александра II виленский генерал-губернатор, с именем которого связан рескрипт 20 ноября 1857 г., знаменовавший начало подготовки отмены крепостного права.

Все путешествие длилось с 1 мая по 12 декабря 1837 г. Выехали в субботу из Санкт-Петербурга, из Зимнего дворца. И уже на следующий день были в Новгороде. Двигались стремительно, особенно в отсутствие железных дорог. Нет возможности перечислить все пункты остановок, назовем только крупные города. В первый месяц путешествия: Новгород-Тверь-Ярославль (через Углич)-Кострома (через Юрьев Польский)-Вятка-Пермь-Екатеринбург-Тюмень; 2 июня прибыли в Тобольск и далее: Курган-Оренбург-Уральск-Казань-Симбирск-Саратов; в июле: Пенза-Тамбов-Воронеж-Тула-Калуга-Рязань-Смоленск-Брянск-Малоярославец-Бородино; с 25 июля по 8 августа Москва и далее в августе Владимир (через Покров)-Нижний Новгород (через Ковров, Вязники, Гороховец)-Рязань-Орел-Курск-Харьков; в сентябре: Николаев-Одесса-Севастополь-Бахчисарай-Симферополь— Массандра-Ариянда (так в тексте. — Л. 3.)-Алупка— Геленджик-Керчь-Ялта-Перекоп; в октябре: Екатеринославль-Киев-Полтава-Бердянск-Таганрог-Новочеркасск; с 26 октября до 7 декабря снова Москва; 9 декабря Царское Село и 12 декабря Санкт-Петербург, Зимний дворец. Всего проехали двадцать тысяч верст.

В журнале маршрут расписан в деталях, с перечислением всех городов и весей каждодневного пути этого длительного путешествия. Перечислены и все увиденные достопримечательности: исторические, культурные, народнохозяйственные, этнографические, природные. Интереснейший источник. Но, пожалуй, еще большую ценность представляют сопутствующие ему письма, которые не были так обязательны, как ведение журнала, но выражали душевную потребность в привычном

близком общении. Их 58: 23 принадлежат отцу, 35 — сыну. Одинаково искренние, теплые, сердечные, непосредственные у сына и рассудительно-мудрые у отца. Их содержание позволяет полнее и ярче, а главное — более жизненно представить личность юного наследника и уже опытного сорокалетнего самодержавного монарха, уверенно управлявшего страной и своей семьей. Письма Николая I обычно подписаны: "Твой старый верный друг Папа Н."; письма наследника — как правило: "Твой навсегда Александр", но иногда и шутливо: "Твой дядюшка Александр", "Твой старый Мурфич", "Твой старый московский калач". Отец изредка отвечает в том же духе, называя сына: "деде", "деденек".

В полном соответствии с "Инструкцией" цесаревич везде и всегда по прибытии в города посещает в первую очередь соборы и монастыри. В письмах его часто мелькает фраза: "сразу же в собор" или "прямо в собор". Особенно отмечает Ипатьевский монастырь, "столь достопамятный для нашей семьи", Смоленский собор, "который поразил своим великолепием", собор в Кунгуре, "в котором еще хранится знамя, бывшее в употреблении при защите города против Пугачева", Донской и Даниловский монастыри, "примечательные по своим историческим воспоминаниям", которые показывал сам митрополит Филарет, подземную церковь в Печерской лавре, "в которой ты слушал литургию в 1816 г." (эта маленькая деталь свидетельствует, как много знал сын об отце). Бесконечный перечень посещаемых монастырей, церквей, естественно, неназойливо оправдывает и объясняет понятие "Святая Русь", привычное и часто употребляемое в России в прежние века.

Журнал и письма свидетельствуют о знании и интересе к истории, которая была любимым предметом в годы учения, а путешествие позволило многое увидеть своими глазами. В Переславле наследник "смотрел Петра I ботик его собственной работы"; по дороге из Глазова в Ижевский завод посетил комнату, где останавливался в 1824 г. император Александр Павлович на станции Якшур-Бады; видел "древнюю церковь, в которую Петр I заходил после Полтавской битвы". Полтава

вызывает не только чувства, но и размышления: "Смотрел достопримечательное поле Полтавского боя, на которое никогда сердце русское не может хладнокровно смотреть, вспомнив, что на этом месте решалась судьба нашего Отечества и Великий Петр положил этим основание Великой России, которая благодаря ему сделалась тем, что она теперь есть. Рука Всевышнего тогда, как и после, хранила невидимо нашу матушку Россию, да продлится благословение Божие на ней навсегда" (однако самому ему пришлось занять престол в год тяжелых испытаний и поражений в Крымской войне, грозящих величию России). Особенное внимание наследника привлекают памятники, связанные с войной 1812 года. "Не могу выразить тебе, милый Папа, с каким особенным чувством осматриваем эти места, где столько крови пролито по милости одного честолюбца, который верно пред Богом отдаст отчет в своих действиях. Память 1812 г. незыблема для каждого русского сердца..."

Он посещает Красное, Малоярославец, Тарутино, Бородино, где обходит все основные позиции и достопримечательности: Шевардинский редут, Семеновские укрепления, батарею Раевского, "где будет воздвигнут памятник", обитель, основанную вдовой генерала Тучкова на месте гибели мужа. Возможно, под впечатлением этих писем 26 августа 1837 г. Николай I принимает решение о приобретении в дар наследнику цесаревичу (через Департамент уделов за 150 тысяч рублей из удельного капитала) села Бородино.

Иногда в восторженных описаниях исторических памятников проскальзывает горечь за "небрежность у нас к ветхой древности", — даже села Измайловское и Преображенское, где поместья фамилии Романовых, стоят в руинах, "слава Богу, теперь приказано беречь сии руины".

Интерес к истории и памятникам старины не заслонял внимания к насущным потребностям жизни страны. Наследник пишет о посещении заводов и фабрик: Нижнетагильского завода Демидовых, где изготовлялись орудия для Севастополя, Яковлевского Верхнеисецкого

завода выработки железа, особенно подробно о посещении Ижевского железодельного завода и Златоустовского чугунолитейного, описывая процесс производства. Появляются и собственные оценки: нравственность рабочих на Ижевском заводе выше, чем на Боткинском, где народ буйный и "кража железа, несмотря на строгие меры", обычна, а организация производства на Ижевском заводе выше, чем на Тульском ружейном. 10 июля он пишет отцу из Тулы: "Я от Тульского завода гораздо больше ожидал, нежели я нашел, в особенности после превосходного устройства Ижевского завода. Впрочем, работа и здесь весьма хороша".

Наследник не обходит вниманием и учебные заведения всех уровней, выставки, музеи: в Ярославле — Демидовский музей и гимназию, в Оренбурге — Неплюевское училище, в Симбирске — Дом трудолюбия, гимназию и Благородный пансион, университеты в Киеве, Харькове, Казани, Москве, где "как старое здание, так и новое в большом порядке". В Перми он посетит выставку Металлического Уральского завода, а в Вятке 18 мая — выставку "всякого рода произведений и изделий края", где по просьбе Жуковского и Арсеньева разъяснения давал А. И. Герцен. Очень довольный увиденным, под впечатлением образованности и таланта Герцена, а также рассказа Жуковского о его судьбе, наследник обратился к императору с прошением об освобождении ссыльного, которому было тогда 25 лет. Николай I не оставил просьбу сына без внимания, но и не полностью удовлетворил ее. 16 ноября состоялось высочайшее повеление о переводе Герцена из Вятки во Владимир. Известие об этом дошло до Герцена 28 ноября, а 2 января 1838 года он прибыл во Владимир. Это не было освобождение, но облегчение участи. Больше Александру Николаевичу не довелось увидеть Герцена, но ровно через 20 лет после этой встречи, уже став императором и приступив к подготовке отмены крепостного права, он будет читать "Колокол" Герцена.

Еще один постоянный объект посещений в путешествии — больницы, госпитали, богадельни, смирительные дома, остроги. В Москве осмотрел

Голицынскую и Городскую больницы, Матросскую богадельню, Сиротский дом, Дом умалишенных, Военную богадельню, Шереметевскую и Марьинскую больницы, Воспитательный дом и "везде все нашел в примерном порядке". Заведения приказов общественного призрения в Калуге нашел "в блестящем положении, не то, что в Саратове". То же пишет об остроге в Кунгуре, где "все в удивительном порядке", но в Тюмени острог в "весьма ветхом положении", не вмещает всех пересыльных, которых накапливается до тысячи человек, и власти принуждены размещать их по вольным квартирам.

Наследник престола сообщает отцу свои впечатления о народе, который везде с радостью его приветствует, собирается на улицах толпами, чтобы выразить свое восхищение и преданность. Но это не мешает ему увидеть неблагополучие, низкий уровень благосостояния и культуры простого народа в городах и селениях. "Жалко смотреть на дома казаков", это "лачуги из кусков железа", пишет он после посещения станицы Таналыкской на Урале. В другом письме он отмечает "нищету народа" в Вятке, грязь и неопрятность в избах. И совсем в другой тональности пишет о поездке через немецкие колонии на левом берегу Волги, между Вольском и Саратовом, по луговой стороне: "Весело смотреть на их благополучие, этот добрый народ сделался совершенно русским и называет себя русским, но в них осталась их почтенная аккуратность немецкая, живут они чисто, пасторы у них преумные, и они меня принимали с удивительным радушием, точно как настоящие русские". Напротив, о поляках всегда пишет с оттенком раздражения и недовольства.

Много времени уходило на смотры войск всех родов (пехоты, кавалерии, артиллерии), жандармских команд, корпусов внутренней стражи, казаков, причем астраханских видел впервые. Оценка всегда была самая высокая: "удивительный порядок", "отличный порядок", "очень хорошее состояние".

Письма наследника раскрывают в нем натуру впечатлительную, эмоциональную, душевно богатую и тонкую. Он воспринимает увиденные

города как людей, у каждого свое лицо, характер, приметы. "Город Оренбург чистенький, лучше Тобольска строениями. Стены, его окружающие, во многих местах совсем разваливаются". "Город Уральск довольно красивый, 600 каменных домов". "Город Саратов красиво расположен, но тоже довольно разбросан, красивые каменные дома", а зала дворянского собрания лучше казанской. "Местоположение Липецка весьма живописно, городок чистенький и заведения для вод содержатся опрятно и без всяких излишних затей. На лето туда много съезжаются". Тула — "город удивительно как быстро поправляется после ужасного пожара", Рязань — "город хорошенький". Город Калуга "очень понравился". А вот "город Владимир из беднейших всей губернии, уездные, которые я видел, гораздо лучше его, но зато он богат историческими воспоминаниями". Пермь, говорят, много потеряла после перенесения Горного правления в Екатеринбург. В Харькове, который понравился, отмечает в обществе "чрезвычайно много красавиц". В Крыму привлекает "славный климат, круглый год земляника". С восторгом пишет цесаревич о впервые увиденном Киеве: "Вот наконец и мне удалось побывать в нашей древней столице, которая сделала на меня неизгладимое впечатление".

Но особенный рассказ о Тобольске, куда прибыл 1 июня 1837 г. "Пишу тебе, милый, бесценный Папа, и сам не верю своим глазам, что из Тобольска, все это кажется мне сном, и весьма приятным (это за 80 лет до трагических дней пребывания здесь его внука с семьей). Начну с того, чтобы благодарить Тебя, милый Папа, послать меня в этот отдаленный и любопытный край, который никого из нас еще не видел. „...“ Восторг, с которым меня здесь везде принимали, меня точно поразило, радость была искренняя, во всех лицах видно было чувство благодарности своему Государю за то, что он не забыл своих отдаленных, душою ему преданных, и прислал к ним сына своего, который тоже умеет понять счастье делать счастливыми других. „...“ Они говорят, что доселе Сибирь была особенная страна, а теперь сделалась Россиею". Наследник характеризует Сибирь как "край чрезвычайно любопытный" и выражает

сожаление, что в этот раз не удалось далее съездить, надеясь притом, если Бог даст, со временем туда попасть.

Еще не получив этого письма, отец 1 июня, предполагая, что сын уже в Тобольске, пишет: "Итак, если Бог благословил, ты сегодня в столице Сибири — какая даль! Но какое тебе на всю жизнь удовольствие, что там был, где еще никто из русских царей не бывал. Любопытно знать, что ты там найдешь, не скоро получим мы твои письма". Но уже через две недели, 14 июня, Николай I писал "милому Саше": "К большой нашей радости, получили мы, наконец, письмо твое из Тобольска. „...“ Меня душевно радует, что вижу, с каким удовольствием обращаешь ты внимание на все предметы, и начинаешь правильно о них судить".

И действительно, восприятие и оценки увиденного в путешествии свидетельствуют о том, что наследник взрослеет, проявляет живой интерес к своей стране и начинает серьезно задумываться о предстоящей ему роли, или "обязанности", как принято это было называть в семье. Эмоциональные срывы подростка, не желавшего подчиниться своему предназначению, остались в прошлом. Он не только примирился с неизбежным, путешествие повлияло благотворно, затронуло чувства, укрепило волю, пробудило желание выполнять свой долг. Правда, это происходит не без воспитательных усилий Николая I. Не прошло и трех недель после отъезда сына, как он спрашивает, направляя ход мыслей и настроений юного путешественника: "...не чувствуешь ли ты в себе новую силу к подвиганию на то дело, на которое Бог тебя предназначил? Не любишь ли ты сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию? Люби ее нежно, люби и с гордостью ей принадлежи и Родиной называть спешь". Спустя месяц после получения этого письма наследник пишет из Казани 22 июня, накануне дня рождения отца: "Меня одушевляет новой силой и новым желанием исполнить долг мой, который я считаю для себя самой приятной обязанностью". 3 июля он пишет из Тамбова: "Я же с каждым днем вижу и чувствую более и более всю важность моего путешествия, из которого я постараюсь извлечь всю возможную пользу, чтобы быть впоследствии полезным нашей матушке

России и тебе, милый Папа, нашему обожаемому Государю. „...“ Видя землю Русскую теперь изблизи, более и более привязываюсь к ней и считаю себя счастливым, что Богом предназначен всю жизнь свою ей посвятить". При входе в Успенский собор Кремля он уже вполне конкретно представляет, как "в этом священном месте" ему "придется дать обет пред Богом блюсти ему за Россию!"

Эти долгожданные признания сына вызывают не только радость и благодарность, но неожиданные для самодержавного монарха отцовские откровения. В ответ на поздравление с днем рождения Николай I писал: "Знай же, что лучший для меня подарок есть ты сам. „...“ Да, я тобой доволен. В мои лета (это в 41 год. — Л. 3.) начинаешь другими глазами смотреть на свет и утешение свое находишь в детях, когда они отвечают родительским справедливым надеждам. Этим счастьем, одним величайшим, истинным наградил нас досель Милосердный Бог, в наших милых детях. На тебя же взираю я еще иными глазами, может быть, еще с важнейшей точки: К старости в тебе найти еще залог будущего счастья нашей любимой матушки России, той, которой дышу, которой вас всех посвятил еще до вашего рождения. „...“ Хочу, чтобы ты чувствовал, что ты час от часу более узнаешь край, более и более его любишь и чувствуешь всю огромность будущей твоей ответственности — тогда я еще жив. Спасибо тебе".

Душевная близость и взаимопонимание самодержца и наследника престола проявляются не только в таком важном вопросе, как ответственное отношение к своему предназначению, но и в бытовых мелочах, в литературных пристрастиях. С большим удовольствием и неоднократно сообщает Николай I, что собака наследника Нептун привязалась к нему. А наследник в самом начале путешествия пишет из Твери: "Городничий тамошний напомнил нам городничего из „Ревизора“ своей турнюррой". Позже из Москвы делится с отцом, что смотрел в театре "Ревизора". Но и отец не остается равнодушным к миру гоголевских героев: "Сегодня я читал сцену с Бобчинским, хорош, должно быть, гусь". "Венчание с Россией", как назвал это путешествие В. А. Жуковский,

было знаменательным событием, оставившим глубокий след в душе будущего императора. В Сибири, в Ялуторовске, в Кургане он увидел ссыльных декабристов и проникся к ним состраданием. Установившаяся в императорской среде традиция не давала забыть о событиях на Сенатской площади. Каждый год 14 декабря в Аничковом дворце Николай I собирал узкий круг ближайших сподвижников, которые помогли ему подавить мятеж и занять престол. Присутствовал и наследник. В своем дневнике с детских лет каждый год в этот день он фиксировал очередное торжество победителей, разделяя их настроение. Но когда он увидел людей своего круга, прошедших одиннадцать лет каторги и ссылки, сердце его дрогнуло, и в нескольких письмах он просил отца "о прощении некоторых несчастных". Николай I не простил, но разрешил некоторым из них приписываться в ряды Кавказского корпуса.

Цель путешествия, на которое возлагал такие большие надежды отец-император, была достигнута. Наследник вернулся в Зимний дворец из своего странствия возмужалый, окрыленный, проникнутый сознанием своей ответственности, внутренне настроенный на выполнение предстоящей ему высокой обязанности. И когда это произойдет через 17 лет, в его первых шагах самодержавного правителя страны видны будут неизгладимые впечатления этой поездки. В 1856 году, в дни коронационных торжеств, Александр II даст амнистию всем оставшимся в живых декабристам, петрашевцам и другим политическим заключенным. И некоторые из них примут участие в подготовке главной реформы царя-освободителя — отмены крепостного права. Он не только будет читать вольную прессу Герцена, но и разрешит Я. И. Ростовцеву — председателю Редакционных комиссий, готовивших крестьянское законодательство, иметь один экземпляр "Колокола" для ознакомления с критикой оппонента и использования здравых соображений. В августе-сентябре 1858 г., в кульминационный момент натиска реакционных и консервативных сил дворянства и бюрократии, сопротивляющихся отмене крепостного права, он совершит вместе с императрицей

путешествие по центральным губерниям России и, убедившись в полном доверии народа к своему монарху, решительно продолжит начатое дело эмансипации. Такие регулярные длительные поездки по стране будут характерны для первых лет царствования Александра II, ставших "перевалом", "поворотным пунктом" русской истории, эпохи падения крепостного права.

Вскоре после возвращения домой наследник был отправлен в более длительное путешествие, теперь уже по Европе (2 мая 1838 — 23 июня 1839 гг.). Николай I и в этом случае снабдил сына инструкцией, которая раскрывает единый замысел обоих путешествий: "Ты покажешься в свет чужеземный с той же отчасти целью, т.е. узнать и запастись впечатлениями, но уже богатый знакомством с родной стороной; и видимое будешь беспристрастно сравнивать, без всякого предубеждения". А далее следовали четкие установки на восприятие увиденного: "Многое тебя прельстит; но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что много достойное уважения там, где есть, к нам приложимо быть не может; мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, ежели от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неповторимость". Но это, однако, не означало, что можно остаться равнодушным или пренебрежительным к увиденному в каждом государстве. Напротив, предстояло узнать много полезного и часто драгоценного, что следовало взять "в запас для возможного подражания". Наставляя сына быть приветливым со всеми, сдержанным в своих суждениях, исключаяющих всякие политические, Николай I требовал (оставаясь верен своим симпатиям и принципам): "...будь особенно ласков к военным, оказывая везде войскам должное уважение, предпочтительно перед прочими".

Помимо этой общей инструкции Николай I посылал сыну в течение путешествия еще и "наставления". Особенно интересно предназначенное к пребыванию в Вене, полученное в феврале 1839 года. "Венское поприще" император считал наиболее важным и трудным в Европе для

цесаревича. Австрийского императора он называет "петухом" и велит сыну: "Ты обязан, однако, тщательно скрывать, какое он на тебя произведет впечатление". Среди других характеристик особое значение придается Меттерниху. "Умный, толковый, необходимый, любезный, скучный и забавный, мошенник и враг-супостат, но необходимый", — готовит Николай I своего сына к этой встрече. Но при всей авторитарности своей натуры он не ставил цели подавить и подчинить личность своего преемника. Настоятельно рекомендуя ему советоваться с сопровождавшими лицами, например Орловым и Татищевым, он вместе с тем писал: "...в особенности действуй по своему внутреннему влечению, помня мой совет".

Была и не высказанная в "Инструкции" главная цель путешествия — династическая. Наследнику уже исполнилось 20 лет, пришло время выбора невесты. А. Ф. Тютчева в своих воспоминаниях упоминает о наличии списка имеющихся для него в виду немецких принцесс. Сам наследник воспринимал предстоящее путешествие не без грусти. "Мне одному придется странствовать по белому свету", — писал он отцу после расставания и покорно добавлял, что смотрит на это "как на долг". В поспешности отъезда, в длительности путешествия, в тональности настроения цесаревича чувствовалось что-то затаенное, печальное, тревожное. Сохранившиеся в архивах личные материалы не дают ответа на возникающие вопросы о подлинных причинах, вынуждающих Николая I торопиться. Эти исчезнувшие или уничтоженные материалы "собственной библиотеки" Романовых в 1919 г. еще были доступны и использовались историком А. Н. Савиным в его специальном исследовании истории сватовства наследника. Эта сейчас уже забытая публикация, к которой с 1920-х годов никогда не обращались историки, позволяет воссоздать страницы жизни великого князя Александра Николаевича, определившие его личную судьбу.

Император и императрица очень торопились отправить сына за границу, чтобы определиться с невестой и поскорее женить. И у них были серьезные основания спешить: старший сын вырос влюбчивый и

слабохарактерный, легко поддавался под нежелательные родителям влияния. В мае 1838 г. пришлось торопливо увозить его за границу, чтобы оторвать от пленившей его фрейлины Ольги Осиповны Калиновской и изолировать от влияния дяди великого князя — Михаила Павловича. В июне 1838 г. Николай Павлович очень тревожится и пишет жене, лечившейся в Германии, о своей беседе со старшей дочерью Магу по поводу Саши: "Мы говорили также о Саше, и она, как и я, говорит, что он часто обнаруживает большую слабость характера и легко дает себя увлечь. Я все время надеюсь, что это пройдет с возрастом, так как основы его характера настолько хороши, что с этой стороны можно ожидать многого; однако, безусловно, необходимо, чтобы у него были более крепкие нервы; без этого он пропал, ибо его работа будет не легче моей, а что меня спасает? Конечно, не умение, я простой человек, — но надежда на Бога и твердая воля действовать, вот и все". Родители не говорили сыну прямо, что они надолго усылают его за границу, чтобы прекратить роман с Калиновской. Но он это ясно чувствовал и 13/15 августа 1838 г. послал отцу из Эмса длинное покаянное письмо, признаваясь в своей запретной любви и извиняясь, что не открыл свое сердце родителям, а только дяде — Михаилу Павловичу. Он писал отцу: "Я „...“ не чувствую себя способным привязаться к другому лицу, знаю, однако, что перед отечеством своим обязан вступить в брак, но время еще терпит"; Ольгу Калиновскую он просил отца не обижать. В своем незамедлительном ответе отец выражал надежду на помощь Бога в "душевном исцелении" и обещал по-прежнему любить "Осиповну, как милую девушку".

За время путешествия наследник посетил сначала вместе с отцом Берлин и Стокгольм, а затем по "наставлению" отца — Швецию, Данию, Ганноверское королевство, Гессен-Кассель, герцогство Нассауское, Великое герцогство Саксен-Веймарское, Пруссию, Баварию, Тироль, Ломбардо-Венецианское королевство, Тоскану, Рим, Неаполь, Сардинию, Австрию, Вюртембергское королевство, Великое герцогство Баденское и Гессенское, Рейнские провинции Пруссии, Голландию, Англию — в

общем, почти все страны Европы, за исключением Франции и государств Пиренейского полуострова. Обращает внимание множественность итальянских и немецких государств — объединение Италии и деятельность Бисмарка по сплочению Германии еще впереди. За время путешествия наследник российского престола получил массу орденов и дипломов: почетного члена Датской Академии изящных искусств, Римской Академии итальянской литературы, диплом доктора права Оксфордского университета и другие. Это пополнило пестрый список российских почестей: канцлер Александровского университета в Финляндии с 1825 г., почетный член Императорской Академии наук с 1837 г. и другие.

Познавательная программа путешествия была крайне насыщена, как и во время знакомства с родной страной. В Стокгольме наследник посетил Королевскую Академию наук, в Италии — "подземный Герколанум и открытую Помпею", восходил на Везувий, осматривал загородные дворцы Каппо-ди-Монте и Казерту, в Карраре — каменоломни, из которых добывался мрамор для колонн и украшений Георгиевской залы возрождавшегося из пепла Зимнего дворца, видел храм Святого Петра в Риме, купол которого специально был иллюминирован по распоряжению самого папы. О пребывании наследника в Риме писал оттуда бывший гувернер его Жилье: "Капитолийский музей, частные собрания картин, несравненные образцы древнего и нового зодчества, наконец, мастерские пребывающих в Риме художников всех стран попеременно привлекают внимание великого князя". Как и в России, наследник интересовался историческими достопримечательностями. В Нови он объехал поле сражения, выигранного Суворовым в 1792 г., в Австрии — поля битв при Асперне и Ваграме и т. п. Наследник никогда не пропускал случая посетить живописные места природы во всех странах. А посещениям картинных галерей, выставок, музеев, театров, концертов, зародов, ферм нет счета, как и военных смотров, парадов, учений, также и светских празднеств — балов, вечеров, маскарадов, семейных завтраков, обедов, ужинов у своей многочисленной немецкой родни.

Сын и наследник могущественного российского императора был с почестями принят при европейских дворах, в Ватикане папой Григорием XVI, в домах выдающихся государственных деятелей, например, у Меттерниха, жена которого оставила подробные дневниковые записи о его посещениях и его "милой любезности". Видимо, "наставления" отца возымели действие, и великий князь Александр Николаевич ничем не выдал своей осведомленности о канцлере как "враге-супостате" России. Познакомился венценосный путешественник и с русскими послами и сотрудниками дипломатических миссий.

Душевные переживания и переутомление, накопившееся еще во время стремительного путешествия по России, в "чужих краях" дало о себе знать вспышкой лихорадки, глубокой простудой, так что пришлось приостановить на месяц следование по маршруту и осесть в Эмсе для лечения, где в дальнейшем император Александр II будет не раз принимать различные врачебные курсы. Недуг отразился на его внешности, юноша похудел, побледнел, стал грустен и задумчив. Так изображает цесаревича впервые увидевший его в Эмсе французский писатель де Кюстин, вскоре затем посетивший Россию. И несмотря на это, красота великого князя поразила зоркого наблюдателя. "Выражение его взгляда, — говорит он, — доброта. Это в полном смысле слова государь (un prince). Вид его скромнен без робости. Он прежде всего производит впечатление человека, превосходно воспитанного. Все движения его полны грации. Он прекраснейший образец государя из всех, когда-либо мною виденных"... Так воспринимали его, впрочем, многие. С нескрываемым удовольствием сообщал об этом императрице Жуковский: "Везде поняли его чистоту духовную, высокий характер; везде его милая наружность, так согласная с его нравственностью, пробудила живое, симпатичное чувство, и все, что я слышал о нем в разных местах, от многих, было мне по сердцу, ибо я слышал не фразы приветствия, а именно то, что соответствовало внутреннему убеждению. Несказанно счастливою минутою жизни моей будет та, — заключает наставник письмо свое, — в которую увижу его возвратившимся к Вам, с душою,

полною живых впечатлений и здравых, ясных понятий, столь нужных ему при его назначении. Дай Бог, чтоб исполнилось и другое сердечное мое желание, которое в то же время есть и усердная молитва за него к Богу, чтоб в своем путешествии нашел он для себя то чистое счастье, которым Бог благословил отца его".

Спустя несколько месяцев в письме от 12 марта 1839 г. из Карлсруэ уже с большой откровенностью и одновременно тревогой Василий Андреевич касается щекотливого вопроса — выбора невесты. Он сетует, что жизнь слишком суетлива, что не остается времени для досуга и встреч "с глазу на глаз" и "сердца с сердцем". "Разумеется, — поверяет он свои размышления императрице, — не позволю себе никакого вопроса: это для меня святыня, к которой прикасаться не смею. Да благословит Бог минуту, в которую выбор сердца решит судьбу его жизни!" Эти слова оказались пророческими. На следующий день неожиданное событие определило личную жизнь наследника.

По совету сопровождавших его лиц и "из учтивости" цесаревич решился заехать в Дармштадт, "не предполагая вовсе, — как сообщал в письме к Николаю I генерал-адъютант А. А. Кавелин, — что там встретит назначенную Богом, может быть, свою суженую". По дороге из Карлсруэ заехали в Гейдельберг, "известный своим университетом", "смотрели развалины древнего замка, колыбели царствующего в Баденском Герцогстве Дома, побывав в подвале, в котором хранилась самая большая в Европе винная бочка, и к 6 1/2 часов вечера прибыли в Дармштадт". Остановились в гостинице. В 7 часов в казачьей форме наследник отправился с визитом к великому герцогу Людвигу II во дворец. По дороге, как записал он в тот же день, 13 (25) марта 1839 года, в своем дневнике, его адъютант А. И. Барятинский сказал, что "тут есть тоже молодая принцесса 15 лет, и очень хороша, я про нее ничего не знал". После визита к великому герцогу Александр Николаевич посетил наследного принца и здесь впервые увидел его сестру принцессу Марию. Та же дневниковая запись передает мгновенное непосредственное восприятие этой непредусмотренной заранее встречи:

"..." с первой минуты (принцесса Мария. — Л. 3.) сделала на меня удивительное впечатление и мне крайне понравилась. Посидев у них, мы поехали в театр, где давали оперу Сконтини " Весталку " (ее давали в день вступления в Париж, 19 марта 1814 г.). И далее: "Я еще говорил с принцессой Марией после театра, у нее глаза прелестны". Вернувшись из театра, "я сейчас объявил Орлову о том, какое впечатление на меня произвела принцесса Мария , — продолжает свою запись наследник российского престола, — и что она мне понравилась лучше всех прочих и потому я тут же решился писать Государю обо всем и просить его благословения. Я считаю этот случай совершенно волею Божьею , ибо я и не думал даже в Дармштадте останавливаться и вдруг нашел здесь, которая, я надеюсь (так в тексте. — Л. 3.) сделает счастье моей жизни .

"..." Ей будет 24 июля 15 лет, следовательно, надобно будет подождать до августа 1841 года, и там, если Бог благословит, совершить брак. Она еще не подтверждена (до сентября). Я так счастлив, что не могу выразить. Я писал Государю до 1/2 3 часов и потом лег спать с легким сердцем". На следующий день, увидев принцессу Марию за завтраком, он писал: "Утром она еще лучше, чем вечером", и еще раз: "выражение глаз удивительное". И заключает свои впечатления: "Мы оставили Дармштадт с совершенно другим чувством, чем при приезде, с надеждой будущего счастья ".

С. С. Татищев, биограф Александра II, имевший в свое время доступ к личным материалам царской семьи, многие из которых уже утрачены, писал о настроении и состоянии духа великого князя: "Новое пламенное чувство до того охватило его, что в разговорах с князем Орловым, заменившим при нем умершего попечителя князя Ливена и скоро снискавшим полное его доверие, он открывал ему свою душу, признаваясь, что вовсе не желал бы царствовать, что единственное его желание — найти достойную подругу, которая украсила бы ему то, что считает он высшим на земле счастьем, — счастье супруга и отца". Мысли и желания эти, оказалось, не были до конца изжиты или вытеснены признанием своего долга и предстоящего предназначения, как он сам

недавно еще думал, путешествуя по России. Много позже, уже во время царствования, они вспыхнут с новой силой, только в связи с другим чувством и к другой женщине.

Николай I получил известие о событиях в Дармштадте не только от сына, но и от его воспитателя Кавелина. Передавая состояние наследника после первой встречи с принцессой, он писал: "Великий князь, увидев меня, бросился, растроганней, обнимать меня, говоря: „Кажется, мне Бог дал найти того, чего искал“. А спустя неделю из Англии, куда они отправились в соответствии с маршрутом путешествия, Кавелин писал о наследнике: „...“ чрезвычайно занят воспоминаниями о Дармштадте ; хоть он уже испытал чувство, теперь им ощущаемое (к О. О. Калиновской. — Л. З.), но, к счастью, этот раз оно не противоречит долгу и потому великий князь наслаждается им без упреков совести и, следовательно, вполне".

Очень любивший писать письма вообще, в этом случае Николай I был особенно внимателен к сердечным посланиям сына и ответил тотчас и не раз. Он поспешил успокоить тревоги влюбленного: "Обнимаю тебя от всего сердца, со всею родительскою нежностью, видя в этом только волю Божию и посылая тебе мое родительское благословение!" В следующем письме продолжал: " С одного дня влюбиться не часто бывает, стало, не сомневаюсь, что Бог сподобил тебя". И еще раз, 14 (26) мая, незадолго до возвращения сына домой, писал из Царского Села: "Да наставит тебя Бог не ослепляться одной наружностью, но да даст тебе пронизательность узнать ее сердце и душу! Дай Бог, чтоб ты не ошибся в твоих предчувствиях, и да сподобит твоей Марье быть тебе, что мне Мама". Можно понять мотивы столь поспешного благословения властного отца-самодержца, напуганного недавней историей с Ольгой Калиновской. Удивление вызывает другое, что он пренебрег тревожными сигналами князя Орлова о сомнительности королевского происхождения принцессы Марии.

Это письмо Орлова из Майнца об упорно циркулировавших при немецких дворах слухах, что Людвиг II в действительности не был отцом

принцессы Марии, не сохранилось, но содержание его вполне реконструируется по ответному письму Николая I от 26 марта (7 апреля), которое известно было и приводится в упомянутой выше статье историка А. Н. Савина. Во всем этом деле особенно интересна реакция Николая Павловича, который не увидел здесь никакой помехи женитьбе своего наследника и приветствовал весть о его влюбленности, по-видимому, без малейших колебаний, без всякой душевной борьбы. Вот это удивительное письмо Орлову: "Сомнения насчет законности ее рождения более основательны, чем вы думаете, так как считается, что в семье ее только терпят и едва переносят. ...." Но так как она признана фактически и носит имя своего отца, никто не может ничего говорить насчет этого. Важно, чтобы молодые люди сначала узнали друг друга прежде, чем им решить, подходят ли они друг к другу. ...." В конце концов, да благословит Господь это доброе начало и да приведет к хорошему концу". "Почему Николай Павлович отнесся с почти полным равнодушием к вопросу о том, чья кровь течет в жилах его будущей снохи?" — задается вопросом исследователь, которому посчастливилось познакомиться с этим навсегда утраченным для нас эпистолярным наследием, и дает ответ вполне убедительный. "Как знать? — пишет Савин. — Может быть, он памятовал о своей много любимшей бабке и об еще более соблазнительных толках, и отчасти печатных толках, по поводу рождения своего отца, и потому считал несправедливым или даже опасным пускаться в точные разыскания об отце Марии Гессен-Дармштадтской. Может быть, он хотел поскорее женить сына и обрадовался забвению Калиновской и влюблению в принцессу. А может быть, он даже был евгеником и мечтал укрепить, оздоровить свое потомство притоком свежей, не владетельной крови. Как бы то ни было, факт остается фактом: монарх, который считался самым непримиримым, упрямым и сильным представителем европейского легитимизма, нисколько не был смущен насчет чистоты крови в жилах невесты своего наследника и с легким сердцем успокоил себя отсутствием официально заявленных возражений по поводу законности ее происхождения. ...."

Важно знать, что легитимизм Николая I не отличался большой щепетильностью".

О сомнительности происхождения своей избранницы знал и наследник. Об этом свидетельствует письмо Орлова Николаю I из Гааги 10 (22) апреля 1839 г. "Не думайте, Государь, что я скрыл от него циркулирующие относительно ее рождения слухи, — добросовестно сообщал он, оберегая себя от возможных осложнений, — он об этом узнал в тот же день в Дармштадте, но он судил о них с полной серьезностью, как и вы, что было бы лучше, если бы было иначе, но что она носит имя своего отца и что с легальной стороны никто не может сделать никаких возражений". Одной Александре Федоровне, гордой чистотой своей крови и своим незапятнанным супружеским целомудрием, стало по-женски стыдно, неловко, но она не смела пойти против воли мужа и сына, хотя и высказала в письмах к цесаревичу свое огорчение.

С разрешения родителей Александр Николаевич еще раз побывал в Дармштадте. Письма к отцу в конце мая — начале июня свидетельствуют, что избранница его никак не разочаровала, что он не меньше прежнего увлечен. "Смею надеяться, что все хорошо пойдет", — заверял он уверенно. Во всем этом деле наследник отмечает заслуги Орлова и говорит, что будет ему за это "вечно благодарен". Действительно, он это доказал в первые годы своего царствования.

Однако по возвращении домой в конце лета наследник неожиданно для всех и, возможно, для себя возобновил роман с Ольгой Калиновской. Это было время сильного недовольства Николая I сыном. Он писал жене из Бородинского лагеря 31 августа 1839 г. "Саша взял привычку курить, и я, к своему глубокому сожалению, вижу, что он ничем серьезным не занимается: он предпочитает быть со своими адъютантами и с некоторыми другими лицами, а по вечерам играет в вист со своими и Микуличем; все это, конечно, не предосудительно, но я не вижу в нем ни малейшей склонности заняться и довольствоваться самим собою. Я об этом ему не говорю, так как я замечаю, что мои мнения принимаются не как от друга, а, напротив, как от лица, которое хочет первенствовать над

ним, и я молчу, желая посмотреть, к чему это приведет". Через несколько дней из Москвы, 5 сентября, он пишет жене еще более удрученно и даже насколько драматично: "...". Характер Саши, к несчастью, не развивается в нужную сторону, и, к моему сожалению, я открываю в нем недостатки, которых я у него не знал. Сегодня, например, он солгал мне самым бесстыдным образом. "...". Вместо того чтобы иметь друга и помощника, я боюсь, что скоро около, меня окажется существо, которое пойдет в направлении, противоположном тому, что я думаю и что я делаю. Есть от чего трепетать. Но для меня Империя прежде всего, и как бы я ни любил своих детей, я еще больше люблю мою родину, и пример Петра Великого передо мною, чтобы диктовать мне мои обязанности, я колебаться не стану". Как не похожи эти оценки и явно пульсирующая в них душевная боль на восторженные признания вполне довольного сыном любящего отца два года назад, во время путешествия наследника по России. В душе Николая I должно было накопиться много горечи для того, чтобы он хотя на короткое время оказался в состоянии так говорить о своем старшем сыне. Взрыву отцовского раздражения, видимо, немало способствовал возврат наследника от принцессы к фрейлине.

В конце концов дармштадтское дело Николай I взял в свои крепкие руки и привлек к нему талантливого дипломата Ф. И. Брунова, который вскоре сообщил, что в Германии и в Англии брак цесаревича с принцессой Марией считается делом решенным. 4 апреля 1840 г. в Дармштадте состоялась помолвка великого князя Александра Николаевича с гессенской принцессой Марией. Известие об этом привез в Петербург князь А. И. Барятинский, в честь чего был дан сто один выстрел с Петропавловской крепости. Первое свидание императора Николая I и императрицы Александры Федоровны с будущей невесткой состоялось через два месяца во Франкфурте-на-Майне. Об этой встрече цесаревич писал своему брату, тринадцатилетнему великому князю Константину Николаевичу: "Вчера Папа, Мама и Оля приехали сюда и здесь познакомились с моей милой Марией, которая тебя уже знает по твоему портрету, он у меня всегда стоит на столе, и я часто смотрю с

удовольствием на твою милую рожу". Это радостное событие, однако, скрещивается с похоронами Фридриха-Вильгельма III. Александра Федоровна едва поспевает в Берлин к последним часам своего отца и встречается с принцессой Марией уже под впечатлением похорон. Дармштадтская невеста входит в семью Романовых среди траурной обстановки. Это не помешало ей сблизиться со свекровью и новой семьей. В сентябре 1840 г. принцесса Мария вместе с царской семьей прибыла в Петербург. 5 декабря состоялось миропомазание, и по принятии в лоно Православной Церкви она была наречена великой княжной Марией Александровной. На другой день, в именины Николая I, было обручение, а 16 апреля 1841 г., в "накануние" дня рождения цесаревича (исполнялось 23 года, а невесте еще не было и 17), совершено бракосочетание, через два года после первой встречи, сразу определившей этот финал.

3. Наследник престола на государственной службе и в семье

1840— 1841 гг. были знаменательными в жизни цесаревича, наступило второе, окончательное совершеннолетие. Юноша стал мужем, у него появилась своя семья, а недавний ученик получил официальное положение и место на поприще государственной службы, гражданской и военной. Наступила пора взрослой жизни, ответственности, самостоятельности.

У цесаревича появился свой двор. На ежедневных почти собраниях у молодой четы, зимой — в Зимнем дворце, летом — в Царскосельском Александровском дворце или на Петергофской ферме, господствовали непринужденность и веселость, занимались музыкой, чтением, игрой в вист; августейшие хозяин и хозяйка очаровывали гостей своей приветливостью и благосклонностью. Все принадлежащие к их двору (адъютанты, фрейлины, родственники, приглашенные) как бы входили в состав их собственной семьи.

Настроения и чувства Александра Николаевича той поры живо отражены в его письмах к самому близкому другу — Александру Адлербергу (в

дальнейшем, в 1870-1881 гг., — министр императорского двора и уделов), которому он писал с семи лет и до конца жизни. Письма к "милому Саше" вскоре после женитьбы ("язык чешется, давно не с кем поболтать") полны восторженных восклицаний. Молодой супруг счастлив и склоняет своего друга к женитьбе: "Когда-то увижу и тебя, любезный Саша, также женатым?" И в тех же письмах — восторженное описание красавиц, которыми, видимо, оба увлекались прежде. Другой предмет интересов, который сам автор писем называет "серьезным", — это смотры, маневры, посещение лагерей. Молодцеватым, жизнерадостным, однако не обременяющим себя серьезными государственными трудами выглядит будущий самодержец в этих письмах.

Цесаревна была вполне счастлива в эти первые годы своей семейной жизни. Сохранившиеся свидетельства рисуют ее натурой, отличной от супруга. Вдумчивое и пронизательное описание ее внешности и душевного склада оставила А. Ф. Тютчева, назначенная к ней фрейлиной в начале 1853 г.: "Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатления *belle femme*, но она была необычно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющее некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе. ...." Ни в ком не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворенное и целомудренное изящество идеальной отвлеченности. ...." Это прежде всего была душа чрезвычайно искренняя и глубоко религиозная, но эта душа, как и ее телесная оболочка, казалось, вышла из рамки средневековой картины. ...." Душа великой княгини была из тех, которые принадлежат монастырю. ...." В своем окружении матери, жены, государыни, она казалась как бы чужой и неосвоившейся. Она была нежно привязана к мужу и к детям и добросовестно исполняла обязанности, которые налагала на нее семья и ее высокий сан; она, по крайней мере, всеми силами старалась их исполнять, но в самом этом усилии чувствовалось отсутствие непосредственности в этих отношениях;

она искала и находила власяницу там, где характер более открытый нашел бы удовлетворение интимных отношений и применение природных способностей". Эта характеристика помогает понять тот разлад, который обнаружится между супругами с годами, когда свежесть чувств и порывы юности пройдут. Но до этого еще далеко.

Молодая семья быстро разрасталась. Еще до воцарения цесаревич стал отцом шестерых детей: двух дочерей — Александры (в семье — Лина) и Марии и четырех сыновей — Николая (Нике), Александра, Владимира, Алексея. Уже после воцарения родились еще два сына в 1857 и 1860 гг. — Сергей и Павел. Император Николай I сам был крестным отцом всех детей своего старшего сына. По случаю рождения сына-первенца, великого князя Николая Александровича, в 1843 г. счастливые родители пожертвовали по 10000 рублей для откупа неоплатных должников и раздачи пособий беднейшим жителям обеих столиц. При рождении остальных детей жаловалось по 3 000 рублей для бедняков Петербурга и Москвы. О рождении первого сына, будущего наследника, счастливый молодой отец сообщал своему родителю, Николаю Павловичу в Варшаву: "Вся экспедиция (роды. — Л. 3.) продолжалась с 1/2 12 до 1/2 5. „...“ Рекомендую тебе нашего кантониста, надеюсь, что, если Бог нам его сохранит, он будет тебе, милый Папа, добрым слугой". Странной и неуместной кажется эта военная терминология в сообщении о личном, сугубо семейном событии, особенно казарменно звучит этот "кантонист". Однако для адресата и для корреспондента этот стиль, отражавший менталитет военных людей, был вполне естественным.

В самый день бракосочетания, 16 апреля 1841 г., Николай I назначил наследника престола членом Государственного совета, и в продолжение следующих двух лет членом других высших правительственных учреждений — Финансового комитета (6 декабря 1841 г.), Комитета министров (20 января 1842 г.), Кавказского комитета (30 августа 1842 г.). Цесаревич был назначен также членом Комитета по строительству постоянного моста через Неву и председателем Комитета Петербургско-Московской железной дороги. Отправляясь в 1842 г. в инспекционную

поездку по Южной и Западной России, продолжавшуюся более месяца, Николай I впервые возложил на наследника на время своего отсутствия из столицы "решение дел Комитета министров и Государственного совета, равно как по всем министерствам и Главным управлениям отдельными частями". С тех пор обязанность эта возлагалась на цесаревича каждый раз, когда император отлучался из Петербурга.

С течением времени наследнику престола поручаются все более важные дела, среди которых особое значение имел крестьянский вопрос. Назначенный председателем Секретного комитета по крестьянскому делу 1846 г. (члены: председатель Государственного совета И. В. Васильчиков, шеф жандармов А. Ф. Орлов, министр внутренних дел Л. А. Перовский), наследник в возрасте 28 лет проявил полную терпимость к крепостничеству. В журнале Комитета признано: "Доколе Россия, по непредвиденным судьбам, не утратит своего единства и могущества, доколе другие державы не могут служить ей примером. Колосс сей требует иного основания и иных понятий о свободе не только крестьян, но и всех сословий. Основанием России было и должно быть самодержавие, без него она не может существовать в настоящем своем величии. Свобода в ней должна состоять в ограждении каждого и лично, и по имуществу от притеснений другого и в повиновении всех законам, исходящим от одного высшего источника". Крепостное право оставалось незыблемым еще 10 лет, пока внешние обстоятельства не поставили под удар могущество державы. Слова документа в этом отношении оказались пророческими. Робкие решения Секретного комитета о регламентации в отдаленном будущем повинностей крестьян и предоставлении им права жалобы на помещиков посредством инвентарей хотя и были утверждены Николаем I, но остались без последствий. Безрезультатно окончился и другой Секретный комитет под председательством великого князя Александра Николаевича — о дворовых людях 1848 г.

Тогда же, в 1848 г., в связи с усилением реакции в ответ на революционные события в Европе, он проявил себя крайним поборником ужесточения цензуры, сторонником учреждения Секретного

бутурлинского комитета (цензуры над цензурой). Настаивая на участии в нем барона М. А. Корфа, он говорил ему: "Речь идет о том, чтобы завязать ожесточенный бой (с литературой, прессой. — Л. З.)... а вы внезапно ретируетесь с поля сражения". Он также признал необходимость строгих предупредительных мер, принятых императором Николаем I относительно высших учебных заведений для ограждения их от "революционной заразы". Он писал бывшему своему адъютанту Назимову по случаю назначения его попечителем Московского учебного округа: "Место, которое вы будете занимать, весьма важно, в особенности в наше время, где молодежь воображает, что она умнее всех и что все должно делаться, как ей хочется, чему, к несчастью, мы видим столько примеров за границей; к этому и г(оспода) профессора — команда не легкая. Надзор за ними, и самый бдительный, необходим".

Возможно, в его позиции больше, чем убеждение, проявлялась зависимость от отца, несамостоятельность. Так считали некоторые современники, например, Корф. Когда в мае 1848 г. Николай I распорядился ограничить число своекоштных студентов, Корф написал записку, которая убеждала в необходимости отказаться от этой меры. Он хотел вручить записку цесаревичу, но раздумал: "Государь не отходит так скоро от принятых мер, особенно когда они пошли от него непосредственно, и наследник, если бы и убедился в справедливости моих замечаний, едва ли бы решился противостать". Это суждение Корфа представляется весьма убедительным, но если даже допустить сомнение в его правоте, то несомненным остается факт, что никакого стремления и никаких попыток к освобождению крестьян он не предпринимал до своего воцарения и никакой склонности к либерализму не обнаруживал, в отличие от своего брата великого князя Константина Николаевича. И только крутое изменение объективных обстоятельств, неподвластных даже самодержавному монарху, вынудит его в дальнейшем пересмотреть традиционные понятия и традиционную политику, хотя неприязнь к журналистам, к свободе слова окажется устойчивой, а опыт назначения военных во главе народного образования возобновится и в период его

царствования.

Гражданские дела занимали не первостепенное место в государственной деятельности великого князя Александра Николаевича. По-прежнему основное внимание и интерес были сосредоточены на армии. Каждое лето в Красносельском лагере он попеременно исполнял начальственные должности по разным родам оружия: в 1841 — 1842 гг. — командуя 2-й гвардейской пехотной дивизией, в 1843-м — 2-й легкой гвардейской кавалерийской. В 1844 г. он утвержден командиром всей гвардейской пехоты. Независимо от этих должностных обязанностей он производил смотры различным частям войск во всех концах России (или сопровождал императора во время этих занятий). Он также сам участвовал в маневрах, обозревал крепости, посещал военные учебные заведения. 17 апреля 1843 г. цесаревич назначен генерал-адъютантом и в тот же день 1846 г. произведен в полные генералы.

Важной вехой в развитии военной карьеры будущего императора явился 1849 г., знаменательный участием России в подавлении венгерской революции. Но прежде чем говорить о делах государственных, следует сказать о глубоком личном переживании, о горе, постигшем молодых еще родителей, о смерти старшей дочери, и первого ребенка, — великой княжны Александры Александровны.

О состоянии наследника узнаем из его письма великому князю Константину Николаевичу от 20 июля (1 августа) 1849 г. из Варшавы. В ответ на полученное от брата соболезнование он писал: "Благодарю тебя от всей души, любезный Костя, за твое милое письмо и живое участие в нашем горе. Зная твое доброе сердце, я вперед был уверен, что ты искренне поделишь с нами нашу скорбь. Мы безропотно покорились воле Божией и находим одно утешение в мысли, что наш Ангел на небесах верно будет счастлив там, чем когда-либо здесь". Однако, видимо, душевная рана отца никогда до конца не зарубцевалась. Во всяком случае, он завещал похоронить себя рядом с Линой, своим умершим первенцем.

Даже самые скорбные обстоятельства и сильные личные переживания не

освобождали наследника престола от его служебных, государственных обязанностей. Отвезя на отдых свою безутешную жену с детьми в Ревель, он сам отправился в Варшаву, откуда император Николай I руководил движением своей армии, переступившей за Карпаты. Таков был ответ русского царя на обращение австрийского монарха, взывавшего о помощи к своему могущественному союзнику. Прибывший в распоряжение отца цесаревич получил звание командира гвардейского пехотного корпуса и оставался в Варшаве до августа, пока предводительствуемая Гергеем венгерская армия не сложила оружия перед фельдмаршалом князем Паскевичем Варшавским в Виллагоше.

Военные обязанности наследника престола чередовались с дипломатическими. Он писал великому князю Константину Николаевичу 20 июля (1 августа) 1849 г.: "Послезавтра Папа отправляет меня в Вену с поручением к императору насчет дальнейшего занятия Венгрии по окончании кампании. Ему неуютно, чтобы наши войска там оставались, вопрос весь будет состоять в том, что будут ли австрийцы довольно сильны, чтобы сохранить порядок в крае, в котором все организовано. По возвращении из Вены, — продолжал старший брат, — я все еще надеюсь быть к вам в армию, но ты про это не говори. Сердце радуется, видя, какими молодцами наши показались во всех случаях и каким ты сам молодцом был под пулями и ядрами; признаюсь, я нередко завидовал твоему счастью быть в деле и видеть, с каким мужеством дерется наше славное войско". Через несколько дней в следующем письме он с радостью сообщает брату, что отец дал согласие на представление фельдмаршала наградить Костю Георгиевским крестом.

Восторги великого князя Александра Николаевича по поводу побед русской армии и сожаления, что он сам не мог, подобно брату, принять непосредственное участие в боях, не были позой и выражали искреннее желание попробовать себя в ратном деле. Когда в следующем, 1850 г., путешествуя по Кавказу по дороге к крепости Ачхой он заметит враждебный отряд чеченцев, то не раздумывая, по собственной инициативе вступит в бой. Донося об этом происшествии императору,

наместник Кавказа князь М. С. Воронцов писал, что не мог без страха видеть, с какой быстротой и смелостью цесаревич бросился за цепь на неприятеля, на большое расстояние от дороги, тем более что не все из свиты могли поспеть за его породистым конем. "Беспокойство мое обратилось в истинную радость, — с явным удовольствием сообщал он, — когда я увидел, что обожаемому нашему наследнику удалось присутствовать хотя в небольшом, но настоящем военном деле, совершенно в нашу пользу окончившемся; что наследник лично видел ловкость и самоотвержение не только казаков, но даже и мирных чеченцев, которые с ним поскакали; но что еще важнее и для нас драгоценнее, это то, что не только все войска, составлявшие отряд, почти все генералы кавказской армии, но и огромное количество милиции разных племен... были лично свидетелями истинно военного духа и благородного, можно даже сказать излишнего, порыва в знаменитой груди наследника российского престола". Донесение свое князь Воронцов заключал просьбой осчастливить его и весь Кавказский корпус "украшением достойным груди Его Императорского Высочества знаком ордена храбрых", то есть Георгия 4-й степени. Император Николай уважил ходатайство, и пожалованный цесаревичу орден тотчас же был отправлен навстречу ему (уже возвращавшемуся домой) с его адъютантом, полковником Паткулем.

Но вернемся в 1849 г., богатый для цесаревича событиями. После возвращения из Вены в Варшаву, в связи с болезнью и скоропостижной смертью от холеры великого князя Михаила Павловича, "как старший в чине" Александр Николаевич заместил его в звании командующего гвардейским и гренадерским корпусами, а также начальника военно-учебных заведений. С этого времени эти две обязанности стали главными в деятельности наследника на военном поприще. Своим долгом он считал строгое сохранение направления, установленного Михаилом Павловичем как в командовании гвардии и гренадерами, так и в деле военного воспитания юношества, что вполне соответствовало намерениям императора. Наследник сохранил при себе и ближайших сотрудников

дяди, среди которых был и генерал Я. И. Ростовцев, сыгравший в дальнейшем огромную роль в деле отмены крепостного права. Помимо новых обязанностей, тогда же наследнику были подчинены специальные военные училища: Главное инженерное и Михайловское артиллерийское, а с 1654 г. и Военная академия.

Весной 1850 г. цесаревич сопровождал Николая I в его поездке по западному краю и Царству Польскому для осмотра крепостей и войск, а осенью предпринял путешествие на Кавказ и в Закавказье. Сев в Севастополе на пароход "Владимир", он высадился на берег в Тамани и через Екатеринодар, Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск и Большую Кабарду прибыл во Владикавказ. На границе Кавказа его встретил наместник, князь М. С. Воронцов, с которым он продолжил свой дальнейший путь. "Всюду, — рассказывает очевидец, — расположенные по дороге войска кричали „ура"... Въезд великого князя в Тифлис явился настоящим триумфом. Все население города высыпало ему навстречу, с туземными музыкантами и песенниками, и вся эта пестрая толпа теснилась к нему, размахивая зелеными ветвями и флагами. Почетная стража из двухсот всадников, принадлежащих к знатнейшим местным княжеским родам, молодые красавицы в их живописных костюмах из бархата и кашмира, с одеждою, убранством чистокровных коней, блестящими золотом, драгоценными камнями и шитьем, ехали впереди великого князя, всюду сопровождая его..." В Тифлисе наследник принял экзарха Грузии, персидского принца Бахмен-Мирзу, представителей всех гражданских и военных властей, посетил гимназию, казармы, школы военных воспитанников, женское учебное заведение Святой Нины, больницу, Институт благородных девиц, был на обеде у наместника, на роскошном и своеобразном ночном празднике города, напомнившем ему "представление о волшебных сказках". Цесаревич оставлял Тифлис, вполне довольный приемом. "То был, — свидетельствует князь Витгенштейн, — восторг, доходящий до исступления, и все женщины влюбились в него. Он находил любезное слово для каждого, и всюду, где появлялся его облик, открытый и улыбающийся, он возбуждал

одушевление, переходящее в обожание. Я видел весь здешний корпус офицеров, со слезами радости на глазах по поводу нескольких слов, сказанных им от имени императора и от себя, при представлении. Он обладает даром внушать к себе любовь всюду, где ни покажется, и когда он улыбается, то словно рублем подарит". В дальнейшем своем путешествии по Закавказью Александр Николаевич посетил Кутаис, где принимал владетелей Абхазии, Мингрелии и Сванетии; перевалив через Сурам, он осмотрел Ахалцих, укрепления которого ему показывал участвовавший во взятии этой крепости князь Бебутов; следуя дальше, остановился в Эчмиадзине, где его приветствовал со всеми почестями католикос всех армян, в Эривани принимал Азис-Хана, чрезвычайного посла персидского шаха. Затем наследник направился через Елисаветполь в Шемаху, в Баку и, следуя вдоль берега Каспийского моря, проехал через Дербент и тогда незамирный еще Дагестан на левый фланг Кавказской линии, где и произошла описанная выше стычка с чеченцами. Он вышел из этой неожиданной схватки героем. А в первые годы его царствования войска покорят этот край, и тогда окончится тянувшаяся десятилетиями Кавказская война.

Так в этот зрелый период жизни наследник престола продолжал узнавать родную страну, охватывая в своих путешествиях окраины необъятной империи, которой ему предстояло управлять. Никогда не удалось побывать ему в Восточной Сибири, о чем Александр Николаевич мечтал еще в бытность свою в Тобольске в 1837 году. Однако вскоре после возвращения с Кавказа он принял деятельное участие в решении важного государственного дела, касавшегося занятия русскими устья Амура. Именно благодаря настойчивой позиции Александра Николаевича, назначенного председателем Амурского комитета, ходатайство генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Маравьева о сохранении за Россией основанного капитаном Невельским Николаевского поста было поддержано и получило утверждение императора. Так положено было начало распространению владычества России на обширный Приамурский край, окончательно утвержденный за ней в 1859-1860 гг., в начале

царствования Александра II.

В 1851 году успешно закончилось еще одно дело, связанное с деятельностью Александра Николаевича, на этот раз как председателя Комитета Петербургско-Московской железной дороги. 19 августа в три с половиной часа утра Николай I с женой, в сопровождении цесаревича, цесаревны и двух старших их сыновей, великих князей Николая и Александра Александровичей, выехали из Петербурга и в тот же день, в 11 часов вечера, прибыли в Москву (за 19 часов 30 минут). Состоялось торжественное открытие железной дороги, соединившей обе столицы.

Занятый в основном делами военными и внутривосточными, наследник престола интересовался и высказывал свои суждения и о международных отношениях. В письме к великому князю Константину Николаевичу 13 (25) декабря 1851 г. он писал: "Про политические дела не стану тебе говорить, все добромыслящие, мне кажется, должны радоваться успехам Louis Napoleon (2 декабря 1851 г. с помощью военных Наполеон III совершил контрреволюционный переворот. — Л. 3). Своей решимостью и твердостью он оказал прямую услугу a la bonne cause. Дай Бог ему сдобровать. Странно будет, если Франция, первая показавшая пример революции, первая же отвергнет все несчастные плоды этой революции". Наследник не ошибся в своих предположениях — 2 декабря 1852 г. Наполеон III провозглашен императором. Позже, в начале царствования Александра II, они обмениваются письмами и встретятся.

Николай I ценил службу своего наследника, особенно на военном поприще, и неоднократно объявлял ему в рескриптах свою "душевную благодарность". В одном из них 10 августа 1851 г. он писал: "Вообще родительскому моему сердцу отрадно видеть, до какой степени Вы постигли звание военного начальника, и за Ваши неусыпные заботы о войске, столь искренне мною любимом, благодарю Вас от всей полноты души". В другом рескрипте от того же числа благодарил за превосходное состояние военно-учебных заведений. Сообщая содержание этого рескрипта всем сотрудникам и воспитанникам военно-учебных

заведений, Александр Николаевич в своем приказе благодарил членов ученого совета, всех своих помощников, почтенных директоров, добросовестных воспитателей и воспитанников. Обращаясь к последним, он писал: "Благодарю и всех моих добрых детей. Благодарю вас, мои дети, как отец, утешенный вами; благодарю вас как начальник, осчастливленный за вас милостивым одобрением своего государя. Молю Бога, чтобы вы всегда любили меня, так же, как я вас и как государь любит вас и меня. В этом чувстве — условие вашей пользы, моего утешения и милости к вам нашего государя, нашего отца — и моего, и вашего". Эти слова Николая I и цесаревича свидетельствуют о романтически-восторженном, отеческом отношении к войску, о близости отца и сына. Оба были военными по интересам, душевной склонности, кругу общения.

В 1852 г. великий князь Александр Николаевич произведен в главнокомандующие гвардейским и гренадерским корпусами. Во время Крымской войны 21 февраля 1854 г., когда Петербургская губерния "при появлении англо-французского флота в виду Кронштадта" была объявлена на военном положении, наследник престола, по званию главнокомандующий армией, начальствовал над всеми войсками, направленными для обороны в Петербург. Именно в этой роли он подойдет к рубежу своей жизни — восшествию на российский престол. За два дня до этого события, 16 февраля, он по поручению уже тяжело больного отца и от его имени пошлет письмо князю М. Д. Горчакову, только что назначенному командующим войсками в Крыму. В нем указывалось: "Его Величество имеет в виду, что сохранение Севастополя есть вопрос первейшей важности и потому решается, в случае разрыва с Австрией и наступления неприятеля, жертвовать временно Бессарабией и частью даже Новороссийского края до Днепра, для спасения Севастополя и Крымского полуострова".

С такими тяжелыми мыслями кончал свое 30-летнее царствование могущественный монарх и в таких тяжелых условиях начнет царствовать его сын, который увидит, переживет падение Севастополя через полгода

и будет вынужден искать свои решения и свой путь в правлении Россией.

4. Звездный час царя-освободителя

Александр II вступил на престол в возрасте 36 лет вполне сложившимся человеком, знакомым с государственной деятельностью, будучи главой большого семейства, достаточно умудренный жизнью. Внешний облик его в это время запечатлел американский дипломат, секретарь посла в 1854 — 1855 гг. А. Уайт: "Он был высок, как все Романовы, красив и держался с большим достоинством, но у него было гораздо меньше величественности и полностью отсутствовала неуместная суровость его отца". Приятную внешность Александра II отмечали все, писавшие о нем. Однако многие при этом критиковали его холодные и сдержанные манеры или стремление походить на отца, что создавало впечатление "плохой копии" или "безжизненной маски".

Из множества характеристик Александра II особенной глубиной и пронизательностью отличаются принадлежащие перу фрейлины императрицы Марии Александровны А. Ф. Тютчевой, дочери известного поэта, которая в течение нескольких лет в ежедневном близком общении наблюдала императорскую (а до того — великокняжескую) семью. В январе 1856 г., во время начавшихся переговоров о мире между странами — участницами Восточной войны, когда русское общество с предельным напряжением следило за политикой "верхов" и действиями нового императора, Тютчева с прозорливостью утонченно нервной натуры делает несколько записей, поразительных по меткости и предвидению. 11 января: "Император — лучший из людей. Он был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время, где приходилось бы только охранять. Но ему недостает темперамента преобразователя. У императрицы тоже нет инициативы, она, быть может, будет святой, но никогда не будет великой государыней. Ее сфера — моральный мир, а не развращенный мир земной действительности. Они слишком добры, слишком чисты, чтобы

понимать людей и властвовать над ними. В них нет той мощи, того порыва, которые овладевают событиями и направляют их по своей воле; им недостает струнки увлечения... Моя душа грустна, я вижу перед собой будущее печальное и мрачное". Через несколько дней она повторяет: "А будущее, будущее. Ах, как я боюсь за него!" И 21 января об императоре: "Мне невыразимо жаль его, когда я вижу, что, сам того не ведая, он вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых он не понимает. Прежде у меня были иллюзии, которых теперь у меня больше уже нет... Они (императорская чета. — Л. 3.) не знают, куда идут". И дальше, на протяжении всего дневника, вплоть до трагической кончины императора, она возвращается к этим мыслям в разных обстоятельствах снова и снова, изливая свою тревогу и мрачные предчувствия.

Любящий и преданный сын, Александр Николаевич тяжело пережил смерть Николая I. Зная сердечность и чувствительность цесаревича по его дневникам и письмам, можно вполне доверять впечатлению Тютчевой о глубине его переживаний. "...На его лице отразилось горе, наполнявшее его сердце", — читаем запись в дневнике. Когда же Тютчева попыталась назвать его "ваше величество", то он попросил не называть его так. "Видно было, — заключает мемуаристка, — что он испытывает только горе от потери отца, а что корона не имеет для него никакой цены". Не в первый и не в последний раз частный человек берет в нем верх над наследником престола или монархом. "Слово „государь“, — продолжается запись, — для него относится к его отцу: в первые годы своего правления он не позволял, чтобы это слово адресовалось ему самому".

Александр II вступил на престол спокойно, ему не пришлось пройти к трону через площадь, залитую кровью, как его отцу, но наследие он получил куда более тяжелое, чем Николай I. Ни один из кардинальных вопросов 30-летнего царствования не был решен: крестьянский, восточный, польский и др. Из Крымской войны Россия вышла изнуренная неравной борьбой, с истощенными финансами и подорванным денежным обращением. Постоянно увеличивающийся в последнее десятилетие

дефицит бюджета (в 1845 г. — 14,5 млн. руб., в 1856 г. — 307,5 млн. руб.) поставил страну на грань финансового кризиса. Война обнажила многие недостатки администрации, военной и гражданской, она показала, что "колосс" стоит на глиняных ногах. Великая держава лишилась того первенствующего положения, которое занимала в Европе со времен Венских договоров 1815 г. Священный союз фактически распался еще до Крымской войны. Россия оказалась в изоляции. Следствием этого было падение авторитета побежденной страны за границей, а внутри империи — недоверие к силе и способности правительства. Призыв властей к созданию морского и сухопутного ополчения всколыхнул в крестьянстве надежду на освобождение и вызвал перемещение масс населения, угрожающее "порядку и спокойствию".

"Севастополь ударил по застоявшимся умам" (В. О. Ключевский). "Озлобление против порядков до 1855 года беспредельное и всеобщее", — записал в своем дневнике 17 ноября этого года П. А. Валуев, видный чиновник, сам служивший николаевской системе (он был курляндским губернатором, а впоследствии министром Александра II). В своей "Думе русского", датированной днем падения Севастополя и известной читающей России в рукописи, Валуев раскрыл и показал "всеобщую официальную ложь" как основной порок "нашего государственного управления". Он писал: "Взгляните на годовые отчеты — везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется... должный порядок, взгляните на дело, отделите сущность от бумажной оболочки... правду от неправды или полуправды, и редко где окажется прочное — плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль".

"Прежняя система отжила свой век" — таков общий приговор одного из идеологов этой системы, историка М. П. Погодина, произнесенный им через три месяца после смерти Николая I. А в начале 1856 г. Погодин призывает Александра II искать выход из кризиса на новых путях: "Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте русского престола!" Сам этот призыв был откровением, означал переворот в

сознании тех, кто правил Россией или близко стоял к "верхам". И Александр II знал это лучше других. Секретный Комитет 1846 г., председателем которого он был, признал недопустимым при решении крестьянского вопроса употреблять само слово "свобода" — "тут именно слово страшнее дела". Через 10 лет слово "свобода" уже представлялось магическим ключом к новой жизни. "Медлить нечего... Надо приниматься вдруг за все: за дороги, казенные и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочие не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, деньги, за финансы, за все, за все..." Эти страстные призывы Погодин заключает идеей освободительной миссии Александра II, которому предстоит завоевать общественное мнение России и Европы".

Политические и исторические интересы страны ломали идеологические установки и рамки прежнего правительственного режима, насущные потребности внутренней и внешней политики пришли в столкновение с идеологическими основами николаевской системы. "Если бы правительство после Крымской войны и пожелало возвратиться к традициям последних времен, то оно встретило бы непреодолимые препятствия если не в открытом, то, по крайней мере, в пассивном противодействии, которое со временем могло бы даже поколебать преданность народа — широкое основание, на котором зиждется в России монархическое начало", — говорилось в докладе министра финансов М. Х. Рейтерна Александру II вскоре после отмены крепостного права.

Столкновение старых традиций и новых требований ставило Россию перед неизбежностью радикальных решений. В силу особенностей государственного устройства и особенностей жизненного уклада страны движение вперед было возможно лишь при содействии монарха. Александр II мог выбирать только между вариантами реформирования строя, но не между старой, николаевской, системой и новым порядком. И он понял это, хотя и не сразу по воцарении, но довольно быстро.

Первые шаги императора Александра II утверждали и продолжали политику Николая I. В речи 19 февраля 1855 г. в Государственном совете новый самодержец признавал себя продолжателем "желаний и видов" своих "августейших предшественников": "Петра, Екатерины, Александра Благословенного и незабвенного нашего родителя"; и на приеме дипломатического корпуса в Зимнем дворце 23 февраля он заявил на французском языке, что "будет настойчиво придерживаться политических принципов" отца и дяди — "это принципы Священного союза". Эти заявления не были только данью протокола, поступки подтверждали их реальную содержательность. Александр II был уверен в необходимости продолжения войны до победного конца. После падения Севастополя он отправился в Николаев, лично наблюдая за возведением укреплений, ездил осмотреть крепость Очаков, укрепления в Одессе, посетил главную квартиру Крымской армии в Бахчисарае. Но эти усилия уже были напрасны, Россия не могла продолжать войну. И Александр II под давлением обстоятельств, при участии компетентных сановников начал эмпирически, не имея никакой общей программы, принимать новые решения, не укладывающиеся в старую систему и даже прямо противоположные ей.

Александр II никогда — ни в юности, ни в зрелые годы — не придерживался какой-либо определенной теории или концепции в своих взглядах на историю России и на задачи государственного управления. Для его общих воззрений характерно было представление о незыблемости самодержавия и существующей государственности России, как оплота ее единства, о божественном происхождении царской власти. Став самодержцем, он идентифицировал себя с Россией, рассматривая свою роль, свою миссию как служение державному величию Отчизны. Позже, в 1876 г., в своем Духовном завещании сыну-наследнику великому князю Александру Александровичу он напишет: "Заклинаю его, не увлекаясь ложными теориями, пещись о постепенном его (Отечества. — Л. З.) развитии, основанном на любви к Богу и на Законе".

Александр II встал на путь освободительных реформ не в силу своих

убеждений, а как военный человек на троне, осознавший уроки Крымской войны, как император и самодержец, для которого превыше всего был престиж и величие державы. И вместе с тем в силу личных свойств характера — доброты, сердечности, восприимчивости к идеям гуманизма, бережно привитым ему всей системой образования и воспитания — как емко и метко определила Тютчева эту особенность натуры Александра II, "его сердце обладало инстинктом прогресса". Не будучи реформатором по призванию, по темпераменту, Александр II стал им в ответ на потребности времени, как человек трезвого ума и доброй воли. Его характер, его воспитание, его мировоззрение и мироощущение способствовали адекватной оценке сложившейся ситуации, способствовали поиску нетрадиционных решений в государственной политике, внешней и внутренней. Отсутствие фанатизма, приверженности жестко определенной концепции в политике не мешали найти новые пути в рамках самодержавно-монархического строя и, оставаясь верным заветам предков, короне, начать великие реформы.

Заключение Парижского мира 18 (30) марта 1856 г. (в день вступления русских войск в составе союзных в Париж в 1814 г.) и манифест о нем 19(31) марта, завершившие бесславную Крымскую войну, знаменовали важный шаг Александра II на пути новых решений в правительственной политике — не только внешней, но и внутренней. Традиционная ставка на Священный союз монархов оказалась битой, в Европе складывалась новая расстановка сил. Роль Франции на континенте усилилась, с чем предстояло считаться русской дипломатии. Престарелый канцлер К. В. Нессельроде, прослуживший при Николае все его царствование и олицетворявший старую систему, был сменен человеком иной формации и иной ориентации — А. М. Горчаковым.

Объявляя во всеобщее сведение об условиях заключенного мира, Александр II в конце манифеста заявил и о внутривнутриполитических задачах, стоящих перед Россией: "Да утвердится и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и

всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, все равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных". Этому осторожного намека на предстоящие реформы хватило, чтобы насторожилось и взволновалось дворянство. Отвечая на распространившиеся и дошедшие до него тревоги, Александр II в своей речи к предводителям дворянства в Москве сказал: "Слухи носят, что я хочу объявить (в некоторых списках „сделать“) освобождение крепостного состояния. Это несправедливо. „...“ Вы можете это сказать всем направо и налево. Я говорил то же самое предводителям, бывшим у меня в Петербурге. Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого, мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, чем снизу".

Симптоматична и важна в этих первых заявках Александра II на реформы связь грядущих преобразований в России с внешнеполитической обстановкой, с общим направлением развития века (невозможностью изолироваться от него), связь, которая многое объясняет в становлении нового внутривластного курса российского самодержца, нареченного еще при жизни Освободителем.

Контуры этого курса постепенно вырисовывались. 3 декабря 1855 г. был закрыт Высший цензурный комитет (Бутурлинский). Александр II отказался от своей прежней позиции насаждения "цензурного террора" и согласился с председателем Комитета М. А. Корфом, который доказывал в своей докладной записке, что деятельность его "приводит иногда до цели противоположной, распространяется рукописная литература, гораздо более опасная, ибо она читается с жадностью и против нее бессильны все полицейские меры". Запрет, наложенный Николаем I на печатное слово, был сметен страстной, неудержимой потребностью общества выговориться. Александр II и его правительство, закрыв Комитет, только адекватно отразили ход событий. Чутко и прозорливо уловил ситуацию А. И. Герцен, основав Вольную типографию в Лондоне (1853 г.), "Полярную звезду" (1855 г.), "Голоса из России" (1856 г.),

"Колокол" (1857 г.) — издания, известные всей читающей России, не исключая царя и царицы. И в самой России, "как грибы после дождя" (по выражению Л. Н. Толстого, вернувшегося из Севастополя) возникали новые издания — "Русский вестник", "Русская беседа", "Сельское благоустройство" и др. "Севастополь ударил по застоявшимся умам" и после "мертвенного оцепенения, в которое до сих пор была погружена страна" (В. О. Ключевский), слово, как выражение внутреннего раскрепощения, превратилось в общественную силу, оттеснившую страх. Гласность стала первым проявлением оттепели (термин тех лет. — Л. 3), наступившей вскоре после воцарения Александра II.

В ряду первых мер, выражающих новое направление политики Александра II, было уничтожение стеснений, введенных в университетах после 1848 г., упразднение Витебского и Харьковского генерал-губернаторств (семь губерний), разрешение свободной выдачи заграничных паспортов, создание акционерных обществ и компаний, содействие российским подданным "упрочить торговые наши связи с иностранными государствами и заимствовать оттуда сделанные в последнее время в Европе усовершенствования в науке" и др. И что особенно важно, к коронации в августе 1856 г., помимо обычных наград, раздач чинов и званий, была объявлена амнистия политическим заключенным — оставшимся в живых декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1830-1831 гг., девять тысяч человек освобождались от полицейского надзора. Отец начинал царствовать с казни и ссылки декабристов, сын — с помилования узников отца. Контраст был очевиден для современников. И он был в пользу сына в глазах общественности России и Европы.

26 августа 1856 г. в Успенском соборе Московского Кремля свершился обряд коронования на царство. Коронационные торжества продолжались долго, с 14 августа до 22 сентября шли непрерывные празднества... но не только. Здесь, в первопрестольной столице, куда съехались наиболее знатные представители дворянства и высшие чины администрации, включая местную, со всех концов России, новый курс осторожно

нащупывал возможные пути решения поставленных самой жизнью задач. В первую очередь главной из них — крестьянского вопроса.

Не без ведома Александра II незадолго до того назначенный министр внутренних дел С. С. Ланской (в молодости причастный к движению декабристов) вел переговоры с предводителями дворянства ряда губерний на предмет возбуждения в высшем сословии инициативы в деле освобождения крестьян — подачи адресов на имя царя. Александр II, часто поступавший как самовластный самодержец, в этом "деликатном" и одновременно "страшном" (как говорили в "верхах") вопросе хотел во что бы то ни стало добиться не только поддержки дворянства, но и его почина. Первый дворянин империи, каким считал и осознавал себя Александр II, хотел правового обоснования своих действий в деле, затрагивавшем самые устои государства и общества. Что это именно так, подтвердится в его речи в Государственном совете 28 января 1861 г. Торопя Совет с безотлагательным принятием крестьянской реформы, он обратил его внимание на два обстоятельства: что "всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства" (опасность крестьянских волнений. — Л. 3.) и что "приступ к делу сделан был по вызову самого дворянства". Однако дворянство в 1856 г. не спешило с эмансипацией. И только один виленский генерал-губернатор Б. И. Назимов, личный друг Александра II из его военного окружения — откликнулся на предложение центральной власти и обещал склонить дворянство своих губерний к выступлению с нужной правительству инициативой. Он сдержит слово, и через год именно с этих северо-западных губерний (Виленская, Ковенская, Гродненская) начнется подготовка крестьянской реформы.

Александр II был осторожен и действовал осмотрительно. В ожидании "инициатив" дворянства он не предпринимал решительных шагов, хотя конкретные варианты отмены крепостного права были ему известны. Например, проект освобождения крестьян в имении его тетки, великой княгини Елены Павловны, селе Карповка Полтавской губернии, являвшийся как бы моделью для предстоящей общей реформы. Проект,

составленный директором хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, лидером либеральной бюрократии Н. А. Милютиным, но не подписанный им, а поданный от имени Елены Павловны, чтобы избежать раздражения и отрицательной реакции Александра II, который считал Милютина "красным". Усыпить бдительность Александра не удалось. Он разгадал и авторство Милютина, и его замысел дать прообраз будущей реформы для России в целом. Отметив в резолюции, что записка составлена, видимо, "одним из директоров департаментов", он заключал: "Не могу ныне положительно указать общих оснований для руководства вашего в сем случае", не отвергая одновременно частной инициативы великой княгини совместно с полтавскими помещиками составить проект освобождения своих крестьян. "Я выжидаю, чтобы благомыслящие владельцы населенных имений сами высказали, в какой степени полагают они возможным улучшить участь своих крестьян", — разъяснял он свою позицию. В записке-проекте об отмене крепостного права в Карповке либеральная бюрократия в содружестве с либеральными общественными деятелями в лице Н. А. Милютина и его соратников К. Д. Кавелина, В. А. Черкасского, А. А. Абазы и др. предлагала вариант освобождения крестьян с землей за выкуп, превращение крестьян в мелких земельных собственников при сохранении и помещичьего крупного землевладения. Огромное значение отводилось при этом государственной власти, которая выступала с инициативой преобразований и должна была опираться на либеральное ("просвещенное") дворянство — идея "инициативной монархии", осуществляющей прогрессивные реформы. Этот либеральный путь отмены крепостного права Александр отверг 26 октября 1856 г. Он вернется к нему ровно двумя годами позже, в октябре-ноябре 1858 г. под давлением новых обстоятельств и новой расстановки сил в политической жизни страны. Однако на исходе 1856 г. Александр II, в нерешительности и ожидании адресов от дворянства, начал с того, что лично ему уже было знакомо по опыту, начал в традициях николаевской системы — с учреждения 3 января 1857 г. очередного Секретного

комитета по крестьянскому делу. Система еще держала его цепко в своих рамках. Но сама эта система уже не была монолитна.

Первая брешь в этой системе — прорыв от секретности к гласности. Как ни парадоксально, на своем втором заседании в январе 1857 г. новый Секретный комитет (сформированный, как и все предшествовавшие, из высших сановников, в большинстве явных крепостников во главе с А. Ф. Орловым) заговорил о необходимости публикации правительственного указа по крестьянскому вопросу. Стремление "придать занятиям Комитета некоторую гласность" имело целью "успокоить умы и крестьян и помещиков". Секретный комитет, озадаченный гласностью, — это штрих новой эпохи, хотя попытка тогда не удалась. Остановились перед здравым соображением, что у правительства нет программы, которая бы успокоила общественное возбуждение. Только год спустя Комитет перестанет быть Секретным, опубликовав первую правительственную программу в истории подготовки отмены крепостного права — рескрипт 20 ноября 1857 г., а затем станет Главным комитетом.

О решимости Александра II, который с лета 1857 г. предпринимает энергичные усилия подтолкнуть Секретный комитет к конкретным действиям в крестьянском вопросе, свидетельствуют и его собственные поступки, и рассказы мемуаристов. Находясь с семьей на отдыхе за границей, он встречается и беседует с видными государственными и общественными деятелями, отечественными и зарубежными, о крестьянском вопросе в России. С П. Д. Киселевым, тогда русским послом во Франции, а в прошлом видным сановником и министром Николая I (называвшего его своим "начальником штаба" по крестьянскому делу), который настаивает на освобождении крестьян с землей, с великой княгиней Еленой Павловной, с бароном А. Гакстгаузеном, известным немецким ученым, знатоком аграрного вопроса, посетившим Россию в начале 40-х гг. и написавшим исследование о русской общине, консерватизм и монархизм которого сочетались с уверенностью в неизбежности отмены крепостного права. Он знакомится с первыми, только что вышедшими номерами "Колокола", начавшего обличение

российского правительства в лицах перед всей Россией и Европой. Он срочно требует прислать из Петербурга бумаги Секретного комитета, конкретные заключения его членов и председательствующего. Он назначает членом Секретного комитета своего брата, великого князя Константина Николаевича, известного своими либеральными взглядами и делами, сторонника реформ и покровителя либеральной бюрократии. Он назначает воспитателем наследника престола, великого князя Николая Александровича, недавно еще опального видного либерального общественного деятеля, автора одной из первых записок об освобождении крестьян в царствование Александра II, профессора права К. Д. Кавелина. Из письма Александра II к папе римскому Пию IX видно, что именно в этот период вопрос о необходимости отмены крепостного права был предметом обсуждения с французским императором Наполеоном III. По прибытии в Петербург он торопит Секретный комитет с принятием решений. Подоспевший к этому моменту Назимов, с которым Александр встречался по пути следования на отдых, доставляет в столицу долгожданную "инициативу" дворянства своих губерний — всеподданнейший адрес с просьбой об освобождении крестьян, правда, без земли. Но условия, оговоренные дворянством, не интересовали самодержца. Важен был сам факт наличия адреса. Александр II требует немедленных решений Секретного комитета. Неспособный сопротивляться своему монарху Комитет принимает рескрипт на имя виленского генерал-губернатора Назимова, хотя заложенная в этом важнейшем правительственном документе программа составлялась вне его стен. Более того, в растерянности Секретный комитет дает согласие министру внутренних дел на рассылку его всем начальникам губерний (что затем предрешило и вопрос о публикации). И хотя наутро следующего дня Комитет пытается исправить свою "ошибку", осуществить это ему не удастся. Поезд мчит 100 экземпляров рескрипта, отпечатанные ночью в типографии Министерства внутренних дел, по единственной в России Николаевской дороге. Гласность решения вопроса отрезает путь к отступлению. Фактически вопреки воле петербургского и

московского дворянства столичным губерниям были навязаны аналогичные рескрипты (формально со ссылкой на их адреса). Начало делу освобождения крестьян от векового крепостного ига положено. Именно по этому поводу Герцен скажет об Александре II: "Ты победил, Галилеянин!"

Пройдет три с небольшим года от этого первого решительного шага до провозглашения отмены крепостного права в феврале 1861 г. И все это время Александр II будет твердо идти к поставленной цели, хотя и не без колебаний, а иногда и уступок натиску крепостников. Не будучи либералом по убеждениям, мировоззрению, по всей прошлой своей государственной деятельности, Александр II, признав необходимость отмены крепостного права в государственных интересах России, встал на путь либеральных преобразований. Это случилось не сразу, не без внутренней борьбы и метаний, которые особенно характерны для Александра II в 1858 г., после принятия и публикации в официальной отечественной и зарубежной прессе первых рескриптов о начале подготовки крестьянской реформы. Непреклонная решимость Александра II отменить крепостное право в условиях самодержавно-крепостнического строя России являлась весь период подготовки крестьянской реформы главным гарантом ее осуществления.

Не имея самостоятельного взгляда на сущность предстоящего решения крестьянского вопроса, Александр II ориентировался на программы, предложенные различными представителями бюрократии и общественных сил. Его позиция не была статичной, неизменной, она эволюционировала от признания в 1857-1858 гг. "остзейского варианта" безземельного освобождения крестьянской надельной земли в собственность, то есть на либеральную программу реформы, разработанную либеральной бюрократией совместно с единомышленниками из среды общественных деятелей. Эта эволюция объяснялась не прихотью самодержца, а развитием и влиянием общественно-политической ситуации в стране.

Открытие в 46 губерниях Европейской России дворянских комитетов для

обсуждения проектов реформы выявит наличие в дворянстве крепостнического большинства и либерального меньшинства, что поставит Александра II перед необходимостью выбора, определения своей позиции. С другой стороны, он должен был учитывать поступавшую со всех сторон информацию о напряженном ожидании крестьянством освобождения. Особенно сильное впечатление на него произвело известие о массовых волнениях крестьян Эстляндской губернии (соседствующей с Петербургской), вызванных неприятием местной реформы, не обеспечивавшей крестьян землей. Попытка Александра II подтолкнуть помещиков к ускорению подготовки реформы собственным примером и издание указа 20 июня 1858 г. об освобождении удельных крестьян без земли оказались неудачными. Указом воспользовались единицы. Крестьянство, принадлежавшее императорской фамилии, двору, не приняло освобождения без земли. И не требовалось обладать большой дальновидностью, чтобы предвидеть аналогичную позицию и помещичьего крестьянства. Личные наблюдения Александра II во время путешествия по России убеждали в надеждах крестьянства на своего монарха. Вернувшись из поездки в Вологду и на Север он писал А. И. Барятинскому 7 июля 1858 г.: "Меня очень порадовало то доброжелательство, которое я встретил везде. Связь, которая существует у нас между государем и народом, — это наша сила, и не дай Бог, чтобы успели это испортить нам..." Это убеждение склоняло его к признанию освободительной реформы. Значительное влияние на Александра II оказал и его ближайший друг генерал-адъютант Я. И. Ростовцев, признавший к тому времени либеральное требование освобождения крестьян с землей за выкуп. Четыре всеподданнейших письма Ростовцева о предстоящей крестьянской реформе Александр II передал в Главный (бывший Секретный) комитет, выразив тем самым и свое одобрение. Под сильным нажимом Александра II, можно сказать по его требованию, Главный комитет принял новую, либеральную правительственную программу решения крестьянского вопроса, основная цель которой заключалась в освобождении крестьян с землей на условиях выкупа.

То, что было отвергнуто в октябре 1856 г., фактически принято Александром II в октябре-ноябре 1858 г. А это означало признание программных установок и разработок либеральной бюрократии, что еще совсем недавно было невозможно. Александр II даже смирился на время с Н. А. Милютиным, дав свое согласие (после двухкратного отказа) в марте 1859 г. на назначение его временно исполняющим должность товарища министра внутренних дел. И одновременно он утвердил состав нового нетрадиционного государственного учреждения для подготовки проектов крестьянской реформы — Редакционных комиссий, в которых либеральная бюрократия и либеральные общественные деятели составили сплоченное большинство (факт в истории дореволюционной государственности России небывалый). Однако сам Александр II воспринимал Редакционные комиссии как "учреждение второстепенное", о чем свидетельствуют письма великому князю Константину Николаевичу. Идейным вдохновителем Редакционных комиссий стал Н. А. Милютин, а председателем — Я. И. Ростовцев. Созданные и кодифицированные здесь проекты реформы легли в основу "Положений 19 февраля 1861 года". Чтобы способствовать преодолению оппозиции в Главном комитете, Александр II назначил в это время его председателем Константина Николаевича, известного своими симпатиями и покровительством либеральной бюрократии (вместо вышедшего в отставку престарелого крепостника князя Орлова).

Допустив лидерство либеральной бюрократии в крестьянском деле, Александр II не вникал глубоко в концепцию подготовленных ею проектов отмены крепостного права. Он воспринял отдельные, конкретные, наиболее существенные положения проектов крестьянской реформы и твердо держался их вплоть до принятия закона 1861 года. Он противостоял и позиции большинства дворянства, определенно заявленной в решениях губернских дворянских комитетов, и мнению большинства Государственного совета, высшего законосовещательного органа, при окончательном обсуждении проектов закона. Он видел главные положения крестьянской реформы в нескольких исходных

принципах, от которых не отступал. Личное освобождение крестьян должно обязательно сопровождаться наделением землей, сначала в пользование, а затем за выкуп в собственность. Выкуп наделенной земли крестьянами не может быть, в отличие от их личного освобождения, актом единовременным, обязательным для дворянства, поэтому конечная цель реформы — превращение крестьян в собственников — не датировалась. Выкупная операция растягивалась на 49 лет, государство выступало по отношению к крестьянам в качестве кредитора, вся тяжесть выкупа, и самой стоимости земли, и уплаты процентов легла на освобожденных крестьян, что делало экономические условия реформы для массы крестьянства разорительными. И вопрос об обязательном наделении крестьян землей (сначала в пользование, а потом в собственность), и вопрос о финансовой стороне выкупа лично контролировались Александром II. В отличие от вопроса о сохранении общины и ее роли в процессе освобождения крестьян с землей (надел выкупался в общинную собственность, выход из общины хотя и не исключался, но был крайне затруднен), Александр II не высказывал свой взгляд на общину. Можно только с уверенностью утверждать, что ему всегда были чужды теории славянофильства, о чем он не раз писал своему брату, великому князю Константину Николаевичу.

Хотя при обсуждении проектов в Главном комитете и Государственном совете они и подверглись поправкам под натиском реакционных и консервативных сил, тем не менее либеральная концепция отмены крепостного права в законодательстве, провозглашенном с высоты престола, сохранилась. Александр II подписал этот исторический акт вопреки мнению большинства Государственного совета, но с чувством глубокого нравственного удовлетворения. 23 марта (7 апреля) 1861 года он писал своему дяде, королю прусскому Вильгельму: "У меня сознание, что я выполнил великий долг". Это главное дело царствования Александра II дало основание современникам назвать его "царем-освободителем". У потомков и историков нет причин ставить под сомнение правомерность этого "титула", единственного в галерее

российских самодержцев и императоров. Но есть потребность понять истинные мотивы и побуждения царя-освободителя, его подлинные цели и намерения, его чувства и симпатии. Такую возможность дают нам письма Александра II брату и ближайшему помощнику в государственных делах, великому князю Константину Николаевичу.

Государственные заботы, многочисленные и разнообразные, подчинены в сознании Александра II одной цели, над всем доминирующей, — восстановить престиж и величие "дорогой нашей России" после бесславного поражения. Это величие понимается им как дальнейшее расширение империи, укрепление ее могущества, ее позиций на международной арене. Александр II выражает глубокое удовлетворение успехами русской дипломатии на Дальнем Востоке — новыми приобретениями по реке Амур, чему он очень содействовал еще в бытность свою наследником. С неподдельной радостью и подъемом сообщает он брату о победах русского оружия на Кавказе, о пленении Шамиля летом 1859 года. Он сохраняет в 1861 году в распоряжении наместника Кавказа князя А. И. Барятинского все бывшие под его началом военные силы и средства. И это при критическом положении финансов, при крайней обременительности расходов казны на Кавказ, составляющих 1/6 бюджета страны. Более того, Александр II готов к активным действиям в Малой Азии в случае войны или падения турецкого владычества в Европе.

Тональность сообщений о внутренних делах, о финансах и крестьянском вопросе иная — сдержанность, краткая информативность, отсутствие яркой личностной и эмоциональной окраски, характерной для описания дел военных и внешнеполитических. Не "улучшение быта" бывших крепостных, как это официально провозглашалось, а дальнейшее расширение и усиление империи было целью политики Александра II. Иначе нельзя объяснить тот неумолимый факт, что государство не вложило в крестьянскую реформу ни одного рубля, что при этом более трети бюджета шло на военные расходы, что выкупная операция, разорительная для крестьян, была выгодна для государства. Кажется,

стремление Николая I видеть в сыне человека "военного в душе" дало свои плоды.

Характерна реакция Александра II на недовольство крестьян экономическими условиями реформы — уменьшение наделов и высокие повинности и выкупные платежи за них. Выступая 15 августа 1861 г. в Полтаве перед крестьянскими старостами, он категорично высказывал свое отношение: "...ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, чего требуют закон и Положение. Трудитесь и работайте. Будьте послушны властям и помещикам". Пятнадцать месяцев спустя самодержец произнес похожую речь на собрании крестьянских представителей, которая затем была прочитана во всех уездах, она положила конец ложным надеждам. Не насторожило Александра II и беспокойство министра финансов, который неоднократно докладывал о тяжести выкупных платежей для крестьян и обременительности бюджета непроизводительными расходами, в первую очередь военными. Так, во всеподданнейшем докладе 16 сентября 1866 г. Рейтерн отмечал: "Затруднение, с которым поступают выкупные платежи, в некоторых, по крайней мере, случаях происходит от того, что эти платежи превышают средства крестьян..." Никакой реакции не последовало, меры приняты не были. Жесткость позиции монарха органично уживалась с патриархально-сентиментальным отношением к народу: "Вы мои дети, а я вам отец и молю Бога за вас, так же как и за всех, которые, как и вы, близки моему сердцу", — говорил он в другой речи, перед депутацией старообрядцев 17 апреля 1863 г., обратившихся с адресом к царю-освободителю. Великий акт отмены крепостного права не поколебал традиционного отношения российских самодержцев к народу, видевших в нем источник сил и средств для усиления монархии, укрепления и расширения империи, ее величия.

Распространившаяся в наши дни идеализация российских монархов (и Александра II, в частности), как и в советское время огульное порицание их деятельности, не имеет научных оснований. Воспринимать Александра

II как благодетеля своего народа, дарующего ему освобождение с землей, так же ошибочно, как отрицать его огромную роль в деле отмены крепостного права в России, в деле, к которому пытались приступить, но на которое не могли решиться его предшественники на российском престоле в течение 100 лет до 1861 г. В date "19 февраля" увековечено и бескровное падение крепостного права в России, и имя Александра II (в этот день занявшего престол) как царя-освободителя. Д. А. Милютин, один из образованнейших и компетентных людей этого царствования, бывший 20 лет бессменно военным министром, писал в воспоминаниях: "Не в одной России, а во всей Европе великая государственная мера 19 февраля 1861 года произвела глубокое впечатление. Заявления высокого сочувствия к этой мере и лично к императору, освободившему десятки миллионов людей из рабства, раздались официально в английском парламенте, в берлинском ландтаге, даже в итальянском собрании представителей, несмотря на то что между туринским и петербургским кабинетами тогда были прерваны дипломатические сношения".

5. От триумфа к трагедии. 19 февраля 1861 года — 1 марта 1881 года

Довольно распространенное деление царствования Александра II на "эпоху реформ" и "наступление реакции" (после 1866 года) страдает прямолинейностью и упрощенностью. Компетентный, умный и тонкий наблюдатель тех событий А. В. Головнин, человек из ближайшего окружения Константина Николаевича, в письме А. И. Барятинскому 15 (27) февраля 1861 г., в первые дни отмены крепостного права, писал: "Отныне он (Александр II. — Л. 3.) приобрел себе бессмертие". И несколькими строками ниже выражал беспокойство: "...будет ли государь продолжать употреблять в дело лица, которые решались открыто признавать себя врагами этой великой реформы, как Муравьев, Долгоруков и Тимашев. „...“ Я помню, как однажды я писал графу Киселеву в Париж (русский посол во Франции. — Л. 3.), что генерал Муравьев станет Аракчеевым настоящего царствования. „...“ Император

имеет бесконечно более ума и знания, чем Муравьев; он добр и желает блага России; но у Муравьева более хитрости, коварства, и со всем этим он эгоист, злой и одарен бесстыдством. Нет ничего удивительного, если он скоро станет всемогущим, так как теперь он уже слишком могуществен". Прогноз Головнина сбылся, хотя это был не Михаил Муравьев, а Петр Шувалов, и после 1866 г. ("Петр — по прозвищу четвертый, Аракчеев же второй" — из эпиграммы). Однако и в первые месяцы провозглашения великого акта то, чего опасался Головнин, произошло и даже превзошло его опасения. Ближайший сподвижник Муравьева в борьбе против деятелей реформы, автор контрпроекта на труды Редакционных комиссий во время их обсуждения в Главном комитете, составленного по заказу Муравьева и Долгорукова, П. А. Валув назначен министром внутренних дел, а прежние руководители, С. С. Ланской и Н. А. Милютин, получили отставку в апреле 1861 г. Таким образом, реализация крестьянской реформы и подготовка земской попали к главному оппоненту автора концепции только что принятых "Положений 19 февраля" Н. А. Милютина — Валуву. В 1861 г., в первый год свободы, Александр II сделал неожиданные назначения и по Министерству народного просвещения. Новый министр адмирал Е. Ф. Путятин, привыкший командовать кораблями, и попечитель Петербургского университетского округа боевой генерал Г. И. Филиппсон, известный участием в Кавказской войне, за несколько месяцев своего не только реакционного, но и нелепого управления фактически дали толчок студенческому движению, впервые так громко и сильно заявившему о себе в России.

Созданный Александром II в ноябре 1857 г., одновременно с началом гласной подготовки отмены крепостного права, Совет министров вовсе не стал кабинетом. Полностью послушный своему председателю — монарху, он созывался только по его распоряжению, в его кабинете, заседания не протоколировались, нередко прерывались, если Александр II уставал или ему становилось неинтересно. Идея единого правительства не состоялась. Напротив, по меткому выражению Валуева, Александр II

придерживался в своей деятельности политики "немыслимых диагоналей", что приводило к противоречивости, непоследовательности действий правительства и грозило опасными последствиями.

Либерализм Александра II в крестьянском вопросе накануне отмены крепостного права сочетается с его самодержавной неприязнью к нарождающейся гласности, к инакомыслию, с готовностью поставить преграду "необузданности нашей литературе, которой давно пора было положить узду", как он выскажется в 1859 году. И это не было вспышкой минутного раздражения. Внутреннее неприятие "наших собственных либералов и мнимых прогрессистов" прорывается наружу в его резолюциях, инструкциях, письмах.

Генетическая связь царя-освободителя со своими предшественниками на российском престоле проявляется и в представлении о незыблемости, неограниченности самодержавной власти в России. Даже родные братья остаются верноподданными. В письме к великому князю Константину Николаевичу 18 (30) марта 1859 г. Александр II выговаривал по поводу случившейся служебной размолвки: "Ты и брат Николай, вы оба служите мне, и ваше дело состоит в том, чтобы друг другу помогать, а не ссориться". На пути к осуществлению общегосударственной задачи — отмены крепостного права — он своей волей, своим самодержавным словом вынуждал к принятию необходимых решений Секретный и Главный комитеты, подавляя оппозицию крепостников. Но точно так же, как полномостный самодержеи, он закрыл либеральные Редакционные комиссии неожиданно для их членов, собравшихся на свое очередное заседание. Более того, иногородним было предложено покинуть Петербург.

Если говорить об убеждениях Александра II, то это прежде всего относится к его вере в самодержавную монархию как лучшую и наиболее органичную для русского народа форму правления. Тому есть много свидетельств. В письме к папе римскому Пию IX 1859 года Александр II с укором и сожалением отзывается о короле Прусском (родном и любимом дяде по матери): "Он боялся конституции, которую имел слабость

допустить". Осенью того же года Александр с гневом и раздражением реагирует на всеподданнейшие адреса дворянства, в равной степени либеральные и реакционные, содержащие намек на конституцию. Особенно ярко его взгляд выражен в беседе с прусским послом О. Бисмарком в Петербурге 10 ноября 1861 г., на вопрос которого о возможности в России конституции и либеральных учреждений Александр II сказал: "Во всей стране народ видит в монархе посланника Бога, отеческого и всевластного господина. Это чувство, которое имеет силу почти религиозного чувства, неотделимого от личной зависимости от меня, и я охотно думаю, что я не ошибаюсь. Чувство власти, которое дает мне корона, если им поступиться, образует бреши в нимбе, которым владеет нация. Глубокое уважение, которым русский народ издревле, в силу прирожденного чувства, окружает трон своего царя, невозможно устранить. Я без всякой компенсации сократил бы авторитарность правительства, если бы хотел ввести туда представителей дворянства или нации. Бог знает куда мы вообще придем в деле крестьян и помещиков, если авторитет царя будет недостаточно полным, чтобы оказывать решающее воздействие". Аналогичный взгляд высказал Александр II спустя два года в беседе с П. А. Милютиным накануне его отправки в Польшу в 1863 г. Самодержец сказал: для того чтобы "восстановить у поляков сейм и конституционную хартию, он обязан созвать Земский собор в Москве или Петербурге, а между тем он находит, что русский народ еще не созрел для подобной перемены". Причем он относил это не только к "простому народу", который считал "самым надежным оплотом порядка в России", но и к высшим классам русского общества, которые "не приобрели еще той степени образованности, которая необходима для представительного правления". Те же доводы повторил он предводителю дворянства Д. П. Голохвастову в 1865 г.

В этих высказываниях есть здравые мысли. Действительно, личная неограниченная власть монарха способствовала осуществлению отмены крепостного права и других либеральных реформ. Но далеко не только и не столько этими соображениями руководствовался Александр II,

отвергая в течение 25 лет саму возможность конституции в России. Он был органически связан с устойчивой государственной традицией авторитарно-патриархальной власти самодержавия, Он вырос и был воспитан в этой системе, его интеллект, характер, психологический и душевный склад сформировались под бдительным оком и личным влиянием Николая I, в эпоху апогея самодержавия. Его здравый и практичный ум, по-видимому, не обладал глубиной и прозорливостью. В отличие от наиболее дальновидных государственных деятелей он не понял, что "дерево (крепостное право.-Л. З.) пустило далеко корень: оно осеняет и Церковь, и Престол", что внезапное упразднение крепостного права может расшатать монолитность империи: "здание Петра I поколеблется", "могут отойти даже части — остзейские провинции, самая Польша" (слова С. С. Уварова, сказанные М. П. Погодину в 1847 г.).

Когда такая опасность действительно возникла, для Александра II неожиданно, он, сообразуясь с силой, масштабом и характером освободительного движения, пошел на уступки. В Финляндии под натиском широкой, организованной, мирной оппозиции Александр II восстановил сейм, не собиравшийся полвека, лично его открыл в Гельсингфорсе 6(18) сентября 1863 г. и произнес речь на французском языке, в которой признал "неприкосновенным принцип конституционной монархии, вошедший в нравы финляндского народа".

По отношению к Польше с первых же шагов Александра II проявилась двойственность: с одной стороны, так нехарактерная для его отца мягкость, гуманность, с другой — жесткая авторитарность неограниченного монарха, усвоенная всем воспитанием, постоянно подпитываемая близким, ежедневным общением с отцом, всей атмосферой Зимнего дворца. В связи с коронацией в 1856 г. он дал амнистию участникам польского восстания 1830-1831 гг. и другим ссыльным полякам, разрешил польским эмигрантам вернуться на родину (за редким исключением для особенно активных противников самодержавия). Но, будучи в мае того же года в Варшаве, он в своей речи перед предводителями дворянства, сенаторами и высшим

католическим духовенством решительно предупредил поляков: "Вам нужно знать для блага самих поляков, что Польша должна пребывать навсегда в соединении с великой семьей русских императоров. „...“ Я снова повторяю: господа, оставьте мечтания! Оставьте мечтания! (point de reveries. — фр.)". Этот настойчивый, лишенный деликатности призыв Александра II не без оснований напомнил полякам окрик Николая I, требовавшего в своей речи в Варшаве в 1835 году отказаться от "обманчивых мечтаний" под угрозой в противном случае разрушить столицу мятежного края. Да и сам император Александр II решительно и открыто заявил о преемственности своего курса в польском вопросе с традиционной политикой своего отца. "Я ничего не изменю, — сказал он тогда же в другой речи перед поляками. — Сделанное моим отцом — хорошо сделано". И это говорилось о политике жесткой регламентации, проводимой Николаем I, говорилось в год "оттепели", когда "начала свободно дышать Россия", в год политической амнистии. Явная недальновидность. Когда же спустя пять лет был принят указ 12 (26) марта 1861 г. о реформах, направленных на восстановление "автономной администрации" Польши, время оказалось упущенным. Не помогло и назначение наместником Царства Польского великого князя Константина Николаевича, известного своим либерализмом и приверженностью к реформам. Тем более что по требованию Александра II военное положение сохранялось.

Близко наблюдавший Александра II в это время военный министр Д. А. Милютин дает такую характеристику его отношения к польскому вопросу: "Что касается государя, то в его мыслях, как мне кажется, происходила тяжелая борьба двух противоположных течений: с одной стороны, всякое проявление революционных притязаний поляков, пренебрежение их к русской власти, уличные беспорядки и дерзкие выходки возбуждали в нем негодование, возмущали его; он огорчался неблагодарностью, с которой поляки принимали все оказанные им уступки и даруемые льготы; под впечатлением этих чувств являлось у него требование строгих репрессивных мер, энергических распоряжений, не исключая и

употребления оружия; с другой стороны, его мягкое сердце и природное благодушие склоняли его к мерам кротким, примирительным, внушали ему желание испробовать все средства к установлению доброго согласия между Россией и Польшей; для этого он был готов на всякие уступки, на всякие пожертвования, совместные с достоинством и пользами Империи. Мне кажется, что государь склонен был, чтобы Царству Польскому предоставить такое же положение в отношении к Империи, в какое поставлено Великое княжество Финляндское. Думал, что Польша могла бы достигнуть такого же, вполне благоприятного положения, если бы только вожаки польские обладали таким же здравым смыслом, таким же спокойным, сдержанным характером, каким отличаются финляндцы". Вполне возможно, что наблюдения Д.Д. Милютина имели достаточные основания. И все же в действительности Александр II склонился к совсем иному решению, чем с Финляндией.

"Конфиденциальная инструкция" великому князю Константину Николаевичу от 18 (30) июня 1862 г., врученная ему для руководства мятежным краем, вполне точно определяла позицию Александра II: "Царство Польское в теперешних его границах должно оставаться навсегда достоянием России". Александр II предупреждал брата, что ни о каких новых льготах и уступках (кроме восстановления указом 1861 г. "автономной администрации") "речи быть не может", а в особенности ни о конституции, ни о национальной армии "Ни того, ни другого я ни под каким видом не допущу". Действительно, тяжелое наследие досталось Александру II: с одной стороны, он не без основания считал, что польские патриоты претендуют на Северо-Западный край, то есть на восстановление Польши в границах Речи Посполитой, с другой — конституция и сейм были дарованы почти полвека назад Александром I, который обещал тогда именно на этом сейме представительное правление и своим русским верноподданным.

Другое категорическое наставление Александра II брату — не увлекаться идеями панславизма: "Многие будут рассчитывать и льстить твоему панславизму. Мысли эти, как бы они ни были завлекательны для

будущего, я считаю в настоящую минуту крайне опасными для России и для монархического начала, ибо я вижу в них распадение России даже не на отдельные государства, а на отдельные и, вероятно, враждебные республики. Соединение же всех славян под одну державу есть утопия, которая едва ли может когда-либо осуществиться". Полгода спустя, накануне открытого вооруженного восстания поляков, 22 декабря 1862 г. (3 января 1863 г.) он возвращается к сильно тревожившему его вопросу о "так называемом панславизме" и пишет брату: "Мои убеждения не новые, но теперь они сделались еще сильнее, и я вижу в нем не славу, а гибель для Русской империи, не говоря уже о нашей династии, что в моих глазах дело второстепенное, и потому, пока буду жив, никогда не поддамся подобным стремлениям, которые, я знаю, многих соблазняют, а я считаю пагубными и предосудительными".

Освободительное движение в Польше не удовлетворилось данными Александром II уступками. Охватившее всю Польшу и перекинувшееся в Западный край восстание 1863 г. поставило Александра II перед необходимостью решительных действий. Он остался неколебим, еще ранее определив свою позицию как неприятие любого мнения, которое "не будет согласно с общим правительственным направлением и будет противно интересам Империи". Он категорически отверг возможность введения сейма, решив положить конец системе, введенной еще Александром I, к которой склонялся великий князь Константин Николаевич. Он сделал свой выбор — путь радикальных аграрных реформ. Для чего снова понадобился Н. А. Милютин, возвращенный из вынужденного длительного заграничного отпуска и посланный вместе со своими ближайшими соратниками Ю. Ф. Самариным, В. А. Черкасским, В. А. Арцимовичем, Я. А. Соловьевым (все — деятели реформы 1861 г.) в Польшу. Принятые в 1864 г. аграрные реформы, дав крестьянам землю в собственность за символическую цену, фактически носили революционный характер. Крестьянство было оторвано от восстания. Но конституцию Александр II Польше не дал, о чем он предупреждал Н. А. Милютина, направляя его с ответственной миссией в мятежный край (в

скобках заметим, что он одновременно отклонил и проект Валуева об ограниченном аристократическом представительстве при Государственном совете). В Северо-Западном крае крестьянская реформа получила законодательное завершение в признании обязательного выкупа полевой земли крестьянами в собственность. Решив крестьянский вопрос, Александр II жестоко подавил в крови восстание. Польский вопрос на время был урегулирован. Но последствия польского восстания 1863 г. для России в целом, его влияние на усиление конфронтации общественно-политических сил в стране в первые годы обновления и реформирования России были очень значительны.

Нельзя сказать, чтобы Александр II не заметил обострения политической ситуации в первые годы отмены крепостного права. Но вряд ли он понял возможные последствия и опасность для государственной власти возникшей в обществе конфронтации политических сил. Во всяком случае, его не насторожил протест и выход в отставку либеральной профессуры Петербургского университета в ответ на реакционные меры Министерства народного просвещения осенью 1861 г., гонения на либеральную администрацию Калужской губернии, притеснения мировых посредников новым министром внутренних дел Валуевым. Он санкционировал арест либеральных мировых посредников Тверской губернии во главе с А. М. Унковским в 1862 г. С большим опозданием он отреагировал на развитие национально-освободительного движения в Польше. Одним росчерком пера он устранял либеральных министров и государственных деятелей с постов, одновременно пользуясь их программами и проектами. Потому, в частности, что действовал не в силу убеждений, а в силу обстоятельств — постоянно менявшегося соотношения политических сил в высших эшелонах власти и в обществе.

Но если говорить о главном направлении политики Александра II в первые годы после отмены крепостного права, то неоспоримым остается факт, что либеральные реформы интенсивно продолжались: в 1863 г. отмена телесных наказаний (17 апреля — в день рождения императора), новый университетский устав 1863 г., в 1862 г. — гласность

государственного бюджета, в 1864 г. — земская реформа и Судебные Уставы 19 ноября, началась подготовка военной реформы, и во главе военного министерства поставлен сторонник преобразований Д. А. Милютин. Александр II сознательно шел на введение новых институтов — всесословного выборного местного самоуправления в уездах, губерниях, городах, совершенно нового для России судоустройства и судопроизводства с независимостью и несменяемостью судей, с присяжными заседателями из всех сословий (среди которых представительство крестьян было очень значительным), с выборным мировым судом — низшей инстанцией введенного судоустройства, он признал либеральную программу преобразования всей системы народного просвещения, постепенно, после длительных оттяжек он согласился на отказ от рекрутских наборов и переход к всесословной воинской повинности. Однако он не смог подняться до понимания необходимости общей программы преобразований во всех сферах государственной и общественной жизни, согласованной и целенаправленной, не смог выйти за рамки государственной системы, связанной корнями с крепостным правом, сам оставаясь ее пленником. Более того, принимая новое законодательство, он вскоре допускал реакционные коррективы, искажавшие его (как тогда говорили, "новеллы" к реформам). Эта двойственность и непоследовательность подрывали авторитет дела Великих реформ и вызывали недоверие общества к власти и ее высшему выражению — к монарху.

Отчаянные тревоги деятелей крестьянской реформы Д. А. Милютина (отстраненного самодержавной властью от ее реализации) и его сторонников о слабости гарантий принятого либерального курса, о необходимости иметь в обществе опору в виде партии середины (le centre) для поддержки начатой в государстве перестройки были чужды Александру II. В поляризации политических сил, в усилении и активизации реакции и революционного экстремизма, ослаблении либералов, апатии и усталости общества он не увидел, не осознал грозящую делу реформ и ему лично катастрофу. Выстрел Д. Каракозова у

ворот Летнего сада 4 апреля 1866 г. — первый предвестник трагического конца царя-освободителя через 15 лет. Но это уже другая страница его жизни.

Человек храбрый, не раз проявивший свое бесстрашие, Александр II был потрясен этим первым покушением. Не страх за собственную жизнь, а сознание, что стрелял в монарха России, в "помазанника Божия", русский человек, а не поляк, как ему сначала показалось, было тяжелым откровением и превосходило его понимание. Спустя десять дней после покушения Каракозова Александр II поддержал предложение Священного Синода об "учреждении ежегодного повсеместного совершения в 4-й день апреля крестного хода на городские площади... с целодневным звоном". Митрополит московский Филарет, признанный авторитет и человек государственного ума, тогда же высказал обер-прокурору Священного Синода свое удивление: "Надобно ли каждый год торжественно напоминать народу, что возможно восстание против царя, которое он прежде почитал невозможным". Сын по-своему повторил отца: Николай I ежегодно 14 декабря в Аничковом дворце собирал преданных ему генералов, подавивших выступление декабристов, Александр II на одиннадцатом году своего царствования сделал день первого покушения на него также датой памятной, но, соответственно эпохе, придал ей более "демократический", всенародный характер.

Середина 60-х годов была временем глубоких переживаний и потрясений в жизни Александра II, не только в политической, но и в личной.

В мае 1865 г. в Ницце скоропостижно скончался в 22-летнем возрасте старший сын и наследник престола великий князь Николай Александрович (в семье — Нике), воспитанник одного из либеральных деятелей эпохи Великих реформ К. Д. Кавелина, по общим отзывам, мягкий, гуманный, просвещенный, внушавший надежды на благополучное продолжение начатых преобразований. Расшаталось и без того слабое здоровье императрицы Марии Александровны. Александр II тяжело перенес постигший семью неожиданный удар. В том же году,

после длительных колебаний, мучительной внутренней борьбы он дал волю своим чувствам к юной княжне Екатерине Михайловне Долгорукой, и начался роман, прервавшийся только со смертью. Он ничем не походил на прежние мимолетные увлечения и многочисленные связи императора, к которым привыкли все, не исключая императрицу. То была любовь зрелого мужчины 47 лет к 18-летней девушке, обаятельной, стройной, неотразимой в своей женственности и чувственной красоте. Она ответила ему тем же чувством. Попытка расстаться на полгода, чтобы избежать скандала и остудить чувства, не удалась и никогда больше не предпринималась.

Пережитое в связи с покушением потрясение, семейная трагедия, раздвоенность в личной жизни и страсть, поглощавшая душевные и физические силы, отразились на внутреннем состоянии Александра II, его мировосприятии. Современники замечали, что император чаще, чем раньше, бывал задумчив, а иногда апатичен, обидчив, говорил о неблагодарности людей. Эти обстоятельства не могли не сказаться на отношении к делам, энергия и интерес поубавились, зато возникли размышления над правильностью взятого курса. Пытаясь противодействовать этим колебаниям и натиску всколыхнувшей в "верхах" реакции, Д. А. Милютин послал Александру II записку "О нигилизме и мерах против него необходимых", написанную К. Д. Кавелиным. В ней доказывалось, что только последовательные реформы могут остановить в России революционное движение. Александр II оставил записку без внимания. Он склонился к охранительным силам. В рескрипте от 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета министров П. П. Гагарина Александр II объявил своей задачей "охранять русский народ от зародышей вредных лжеучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство". Вопрос о дальнейших реформах замалчивался, провозглашались чисто охранительные цели, сформулированные новым шефом жандармов П. А. Шуваловым. Валуев очень точно выразил в дневнике свое впечатление от рескрипта и намеченного им курса: "У нас теперь принцип и идея тождественны. Они

состоят в ограждении власти. Положение оборонительное. Власть рассматривается не как средство, но как цель, как право, как имущество... Мы требуем повиновения, но во имя чего мы его требуем? Только во имя обязанности повиноваться и права повелевать".

Окружение царя-освободителя стало меняться. Роль III Отделения с.е.и.в. канцелярии, несмотря на гласность и европеизацию страны, освобожденной от крепостного права, не только не ослабла, но с 1866 г., после покушения и казни Каракозова, усилилась. Вновь назначенный главноуправляющий III Отделением и шеф жандармов Шувалов приобрел решающее влияние в "верхах" и лично на Александра II. Недостаток воли, свойственный Александру II вообще, в эти годы особенно заметен. Вплоть до отставки в 1874 г., Шувалов сосредоточивал непомерную власть и могущество, играя роль, близкую временщику. А. Ф. Кони считал правление Шувалова "властительством над судьбами русской внутренней политики и над душою напуганного покушением Каракозова Государя". Смена лиц коснулась многих ключевых постов. Министром народного просвещения назначен обер-прокурор Священного Синода Д. А. Толстой, поборник реакции, откровенный противник либеральных преобразований своего предшественника Головнина. Два других назначения в том же роде: министром юстиции стал К. И. Пален вместо либерального Замятнина, министром внутренних дел А. Е. Тимашев, поддержанные Шуваловым. Д. А. Милютин не раз был готов выйти в отставку, теряя надежду противостоять всесилию Шувалова. Так называемые "новеллы" к реформам 60-х гг. вносили реакционные коррективы в недавно принятые законодательные акты. Административная власть повсеместно усилилась, контроль за земским самоуправлением, за печатным словом ужесточился, начальная школа подчинена прямому надзору министерских чиновников, независимые судьи подвергались давлению администрации.

Но и в этой изменившейся обстановке возврата к охранительным принципам в правительственной политике Александр II все же продолжал реформы, хотя и вяло, инертно, без прежней напористости и воодушевления. В 1870 г. было принято законодательство о городском

самоуправлении (в отрыве от земского на шесть лет). Подготовка военных реформ растянулась до 1874 г., когда наконец был сделан решительный шаг к модернизации армии — принят закон о всеобщей воинской повинности. Толчком к решению Александра II дать согласие на важнейшую из военных реформ послужили внешнеполитические события — франко-прусская война 1870 г., продемонстрировавшая преимущества современной организации и современного оснащения армии. Александр II и правительство постепенно, но совершенно очевидно утрачивали инициативу в проведении крупномасштабных преобразований, начатых отменой крепостного права. И вместе с тем усиливались репрессивные меры борьбы не только с революционным, но и с либеральным общественным движением. Д. А. Милютин, сохранявший пост военного министра в течение 20 лет (1861 -1881 гг.), прекрасно знавший Александра II и правительственную политику, говорил о годах, последовавших после 1866 г.: "...в последние 14 лет застоя и реакции все строгости полицейские не только не подавили крамолу, но, напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев". Он говорил об этом на совещании министров у Александра II 21 апреля 1881 г., где решался вопрос о дальнейшей политике и программе действий правительства. "Я доказывал, — передает он далее в своем дневнике, — что недоконченность начатых реформ и отсутствие общего плана привели к тому, что по всем частям государственного организма ощущается полный хаос". Это мнение разделяли многие деятели реформ, их сторонники и даже оппоненты. И что еще важнее, сам ход исторических событий, неопровержимые факты подтверждают справедливость наблюдений современников.

Внимание Александра II в этот период его царствования было сосредоточено не столько на законодательной деятельности, сколько на решении имперских задач — приобретении новых территорий, особенно в Средней Азии, урегулирование пограничных проблем, на европейской политике и пересмотре условий тягостного для России Парижского мира.

На 1866 г. приходится пик развития дружественных отношений между Россией и США и решение о продаже Русской Америки. Решение, в котором выразилась давняя идея о континентальном, а не морском будущем России (отказ от приобретения далеких заморских территорий обозначился еще в 1818 г., когда Александр I и К. В. Нессельроде отклонили предложение о принятии в русское подданство Гавайских островов). Личная позиция Александра II в вопросе продажи Аляски и всемерном укреплении отношений с США была определенной и не являлась неожиданностью. Еще во время кровопролитной гражданской войны между северными и южными штатами посылка русских эскадр в Америку под командованием контр-адмирала С. С. Лесовского и их пребывание в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне в 1863— 1864 гг. превратилась в демонстрацию открытой поддержки Россией Федерального Союза. И хотя непосредственная цель экспедиции заключалась в организации крейсерства в случае возможной войны Англии и Франции против России в связи с польским восстанием 1863 г. (что было известно американскому президенту Линкольну и государственному секретарю Сьюарду), тем не менее заинтересованность двух великих держав в сближении была несомненна. В связи с покушением Каракозова на Александра II правительство США не ограничилось обычной в таких случаях дипломатической процедурой, но конгресс единогласно принял особую резолюцию, и для торжественного ее вручения императору было отправлено в Россию чрезвычайное посольство во главе с заместителем морского министра Г. В. Фоксом. Когда Александру II было об этом доложено, он распорядился "принять с русским радушием" посланников "заокеанической" державы. Известный исследователь русско-американских отношений Н. Н. Болховитинов считает, что "миссия Фокса, ставшая кульминацией русско-американского сближения, во многом способствовала распространению мнения о существовании естественного союза между Россией и Соединенными Штатами" и "именно это обстоятельство... окажет существенное, если не решающее, влияние при обсуждении вопроса о продаже русских

владений в Америке". Это не снимает вопроса о других причинах, в том числе финансовых (хотя 7,2 млн. долларов не могли быть решающим подспорьем для бюджета России). Главной, стратегической задачей русского правительства в этой акции было соображение об устранении очага возможных противоречий в будущем и укреплении фактического союза двух великих держав.

Спустя несколько лет был решен другой важный вопрос пограничного размежевания, на этот раз с Японией. После успешных мирных договоренностей с Китаем и присоединения к России Уссурийского края (Пекинский договор 2 ноября 1860 г.) значение Сахалина для дальневосточных территорий империи возросло. Однако вопрос о принадлежности Южного Сахалина был камнем преткновения в затянувшихся переговорах с Японией. Наконец 25 апреля 1875 г. в Петербурге был заключен русско-японский договор об обмене северных островов Курильской гряды, принадлежащих России, на Южный Сахалин.

Во второй половине 60—70-х гг. Александр II придавал большое значение завоеванию Средней Азии, где интересы России сталкивались с Англией. Продвижение в этом регионе, развитие экономических связей с другими странами Востока, в представлении значительной части правящих кругов России и общества, давали возможность восстановить пошатнувшийся военно-политический престиж России и создать предпосылки для нажима на основного соперника — Великобританию. Особенно энергичную позицию занимало военное министерство, администрация на окраинах: наместник Кавказа, генерал-губернаторы Оренбургского края, Западной Сибири, более сдержанную — Министерство иностранных дел, опасавшееся международных осложнений, Министерство финансов, оберегавшее бюджет. Александр II с неизменным интересом и вниманием относился к этой сфере государственной деятельности и, разделяя в целом идею продвижения в Среднюю Азию, вместе с тем удерживал слишком горячие головы от неосмотрительных или поспешных действий или даже от химерических планов похода на Индию — оплот колониальных владений Англии.

Благоприятный для России исход Кавказской войны актуализировал среднеазиатскую проблему в имперской политике Александра II, и с середины 60-х гг. началось систематическое продвижение войск в этом регионе. В 1864 г. взяты, с согласия правительства, Туркестан и Чимкент, в 1865 г. — по собственной инициативе генерала М. Г. Черняева — Ташкент, о чем Валуев записал в своем дневнике 20 июля 1865 г.: "Ташкент взят ген. Черняевым. Никто не знает почему и для чего... Есть нечто эротическое во всем, что у нас делается на отдаленной периферии Империи". И хотя военный министр Д. Милютин в письме от 1 ноября 1866 г. к оренбургскому генерал-губернатору сообщал, что "царь не желает никаких новых завоеваний", но назначение вскоре в Среднюю Азию генерала К. П. Кауфмана, близкого к Александру II и военному министру, с самыми широкими полномочиями, предвещало осуществление энергичной и активной политики самодержавия. Действительно, в конце 1867 г. была оформлена организация Туркестанского края во главе с генерал-губернатором Кауфманом. В письме к Д. Милютину от 18 ноября 1867 г он утверждал, что временно необходимо приостановить наступление, чтобы заняться устройством управления края, но затем необходимо дальше двигаться против бухарского эмира. "Совершенно одобряю", — откликнулся на это своей пометой Александр II.

Александр II поддерживал наступательную стратегию военного министерства и Кауфмана, противостоящую скептикам из Министерства иностранных дел и Министерства финансов. В 1868 г. Кауфман завоевал Самарканд, подписал соглашение с бухарским эмиром, фактически означавшее его вассальную зависимость от России. В 1869 г., согласно личному распоряжению Александра II, был занят Красноводск, что должно было способствовать дальнейшему продвижению в Среднюю Азию и укреплению на восточном побережье Каспийского моря. Сообщая это распоряжение монарха Кауфману, директор Азиатского департамента МИДа П. Н. Стremoухов вместе с тем высказывал убеждение, что "новое расширение пределов было бы самым решительным вредом для нашего

отечества". А генерал Свистунов, руководивший действиями Красноводского отряда, характеризовал правительственную политику как "вредное увлечение погремушками дешевых лавров". Продвижение продолжалось в казахские степи, на Хиву, Коканд. В 1873 г. занята Хива, и ханство оказалось в вассальной зависимости, а в 1876 г. ликвидировано Кокандское ханство и образована Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Дальнейшее продвижение временно было приостановлено в связи с активизацией России в европейской политике и надвигавшейся русско-турецкой войной. Однако уже к этому времени Россия успела укрепиться в Среднеазиатском регионе и решить многие проблемы по освоению этого края.

Внешняя политика Александра II в Европе не осталась без изменения в этот период его царствования. Сближение с Францией на рубеже 50-60-х гг. оказалось недолговечным. Охлаждение в отношениях между двумя державами и их властителями, обострившееся в связи с польским вопросом в начале 60-х гг., в дальнейшем стало еще более очевидным. В значительной степени это объяснялось усилившейся пропрусской ориентацией Александра II. Его любовь, почтение и глубокая симпатия к родному дяде, прусскому королю, сыграли не последнюю роль в сближении России и Пруссии. Милитаризация и усиление Пруссии под руководством Бисмарка и даже очевидное стремление к гегемонии в Европе не насторожили Александра II.

Попытки Горчакова наладить отношения с Францией не увенчались успехом. Визит Александра II в Париж летом 1867 г. не оправдал надежд. Встреча французской столицы 3 июня была холодной. А 6-го поляк А. И. Березовский стрелял в Александра II, возвращавшегося с парада в открытом экипаже вместе с Наполеоном III. Александр II не был ранен. Все знаки сожаления и симпатий, все старания французского императора и особенно красавицы императрицы Евгении не смогли рассеять его дурного настроения, которое усугублялось еще и упорным противодействием Франции всем попыткам русской дипломатии добиться

отмены ограничительных статей Парижского мира.

В 1870 г. Александр останется глух ко всем обращениям французского правительства, взывавшего о помощи и заступничестве. Он не скрывал своих симпатий к Пруссии, хотя значительная часть русского общества и правящей бюрократии не разделяла их. Отчасти это отношение Александра II к Пруссии можно объяснить его надеждами с самого начала франко-прусской войны добиться отмены наиболее тяжелых статей Парижского мира, "черноморских". В расчете на поддержку Пруссии он предложил в Совете министров план одностороннего отказа России от статей, ограничивающих ее права на Черном море. Тютчева отмечает инициативу Александра II в этом деле и, напротив, сдержанность почти всех министров. Циркулярная нота Горчакова 31 (19) октября 1870 г. достигла цели: Бисмарк, хотя и недовольный этой акцией, предложил созвать Лондонскую конференцию заинтересованных держав, которая и приняла конвенцию 13 марта 1871 г. об отмене этих статей Парижского мира. Расчеты Александра II оправдались, однако было бы ошибкой только этим объяснять его отношение к Пруссии. Большое значение имели личные чувства и симпатии российского монарха, традиционные семейные связи.

Д. Милютин неоднократно писал, что Александр II не скрывал своей радости при получении каждой телеграммы о победе германских войск: немедленно посылал королю Вильгельму поздравительные телеграммы, а по временам Георгиевские кресты, притом в таком большом числе, что щедрость эта возбуждала в петербургском обществе сетования и насмешки. О явном сочувствии Пруссии свидетельствовало и то, что несмотря на нейтралитет, в германской армии были русские офицеры, врачи, лазареты. Даже после Седанской победы немцев, несмотря на возникшие уже у Александра II опасения возможных последствий столь стремительных успехов Пруссии, позиция его не изменилась. 6 ноября 1870 г. он писал великой княгине Елене Павловне: "Я, как и Вы, оплакиваю новые потери славной прусской гвардии". Тьер, прибывший в Петербург с важной миссией склонить Россию к более активной

поддержке Франции, уехал, не добившись результата. Когда побежденная Франция во время мирных переговоров всячески старалась заручиться содействием России против непомерных притязаний Пруссии, Александр II остался неприступен. Французский посол в Петербурге маркиз Ж. де Габриак, которому выпала трудная задача бороться с этим прусофильством, в телеграмме от 19 февраля 1871 г. министру иностранных дел Жюлю Фавру так определил ситуацию: "Вы могли убедиться из обмена телеграммами между прусским королем и императором Александром — обмена, который даже здесь произвел скверное впечатление, — что нам нечего ждать от России... Россия нейтральна, но ее нейтралитет дружественен Франции; император нейтрален, но его нейтралитет благоприятен Пруссии. Ну а император Александр управляет страной, лишенной инициативы, еще привыкшей к абсолютизму. Страна может устраивать заговоры, когда ее доводят до крайности, но не способна к открытому воздействию на власть".

Об этом "благоприятном" Пруссии нейтралитете российского императора очень выразительно говорят его пометки на дипломатических документах — телеграммах и докладах русских послов, а также переписке между французским послом и его министром, которая перехватывалась и расшифровывалась в Петербурге. Некоторые из этих заметок носят очень непосредственный, почти наивный характер, отражая истинные чувства Александра II. Например, когда французское правительство заявило 2 января 1871 г. из Бордо протест против бомбардировки немцами Парижа, указывая, что "эта бомбардировка является возвращением к варварству, которое должно вызвать общее негодование со стороны цивилизованных правительств и народов", Александр написал на перехваченной депеше: "А Кремль, который они взорвали!" Память, как всегда, не изменила Александру II, что никак нельзя сказать о его дальновидности. Он в полной мере не осознал и не почувствовал угрозу в образовании объединенной Германской империи, в опасном для России соседстве милитаризованной сильной державы. Он не понял, что Франкфуртский мир, перекроивший границы в центре Европы, чреват политической

нестабильностью и в перспективе общеевропейской войной, что предвидели многие политики и дипломаты того времени. Александр II так и не уступил всем отчаянным просьбам французского правительства "порекомендовать умеренность своему дяде" в территориальных притязаниях к Франции.

Только в одном случае он отрешится от позиции равнодушного созерцания — когда осознает общеевропейскую опасность коммунистического движения. После падения Парижской коммуны Александр II был солидарен с требованием французского правительства о выдаче коммунаров, укрывавшихся в чужих странах. Свою точку зрения он выразил в резолюции на докладе управляющего Министерством иностранных дел В. И. Вестмана, заменявшего Горчакова: "Я рассматриваю этот вопрос, как вопрос самой большой важности для будущего всех правительств. По моему приказу министр юстиции составил по этому поводу докладную записку, которую я сам передал в Берлине императору-королю, желая, чтобы инициатива исходила не от меня, а от Пруссии. Теперь я ожидаю результатов". Он считал вполне целесообразным организацию международной борьбы с революционным движением, с Интернационалом.

Еще до Парижской коммуны Бисмарк под впечатлением революционных событий во Франции в сентябре 1870 г., приведших к свержению Второй империи и провозглашению республики, обратился в Александру II через прусского посла Рейсса с предложением организовать совместную борьбу против социалистического движения. 24 сентября Рейсс сообщил ответ российского императора: он "настоятельно желает создания ассоциации монархических элементов против революции". Так что в этом вопросе — борьбы с революцией — позиция Александра II была последовательной и твердой.

Для внешнеполитической ориентации Александра II этого времени характерно не только укрепление отношений с Германией, но и сближение с Австро-Венгрией. В 1872 г. он принял приглашение прибыть в Берлин, когда там находился император Франц-Иосиф, а затем в 1873

г., впервые после Крымской войны, посетил Вену. В октябре того же года сложился Союз трех императоров — России, Пруссии, Австрии. Александр II вернулся к тому, от чего отказался в начале своего царствования, наметившаяся тогда новая ориентация на сближение с Францией так и не осуществилась в его правление. Противодействие Александра II в 1875 г. новым притязаниям Германии к Франции сгладило прежние обиды французов, но изменило общей ситуации. Хотя Союз трех императоров и не был возрождением Священного союза, сошедшего со сцены вместе с Венской системой, но несомненно, что Александр в новых международных условиях предпочел соглашение с прежними партнерами решительным переменам в дипломатии, предпочел, как он говорил, "традиционный союз", несмотря на опасения Горчакова, на мнение прессы, почти единодушно высказывавшейся за сближение с Францией.

Неудивительно поэтому, что энергичная и активная внешняя политика и масштабность имперских притязаний требовали очень значительных сил и большого напряжения финансов. Численность армии и расходы на нее были непомерно велики. Военная направленность бюджета страны отражена в Государственной росписи, которая впервые стала публиковаться после отмены крепостного права. Военные расходы составляли в 60-70-е гг. третью часть бюджета. И это в то время, когда на осуществление выкупной операции крестьянской реформы государство вовсе не тратило бюджетных средств. Более того, оно получило значительную прибыль к 1881 г., а крестьяне продолжали платить выкупные до 1906 г. Министр финансов М. Х. Рейтерн (1862-1878) с самого начала своего управления убеждал Александра II в крайней обременительности бюджета непроизводительными расходами, в необходимости денежно-валютной реформы и обеспечения рубля золотым запасом для успешного развития реформ и обновления России. Но имперская политика и традиционное имперское мышление победили. Решающим событием оказалась русско-турецкая война в конце царствования Александра II, спустя только 20 лет после Крымской войны и двух лет после принятия основной из военных реформ.

Александр II не без колебаний и не вдруг решился на объявление войны. Еще в августе 1876 г., перед отъездом на отдых в Ливадию, в разговоре с министром финансов М. Х. Рейтерном о политических делах "он, как и прежде, весьма сильно выражал решимость не давать Россию завлечь в войну. Он не без горечи говорил об агитации славянофильской — о желании некоторых лиц выставить не его представителем интересов России". Действительно, давление общественного мнения, славянских комитетов, выступавших в защиту единоверных славянских народов, томящихся под турецким игом, было сильным. И спустя месяц настроение его изменилось. В начале октября между Александром II и Рейтерном, вызванным в Ливадию, произошло драматическое объяснение, в котором окончательно определилась позиция императора. Александр требовал от министра финансов средств для предстоящей войны. Рейтерн со своей стороны предпринял отчаянную попытку противостоять влиянию на царя военных и всех сторонников разрешения ближневосточного кризиса военным путем. Он подал Александру II записку, в которой доказывал, что "война остановит правильное развитие гражданских и экономических начинаний (Великих реформ), составляющих славу царствования Его Величества, она причинит России неисправимое разорение и приведет ее в положение финансового и экономического расстройтва, представляющего приготовленную почву для революционной и социалистической пропаганды, к которой наш век и без того уже слишком склонен". Рейтерн убеждал, что европейские державы не позволят России в полной мере воспользоваться плодами побед, что огромные затраты на войну сорвут подготовленную финансовую реформу, что политические последствия непредсказуемы. Александр II с раздражением и неприязнью вернул записку, не обсудив ее с другими министрами, и, как пересказывает Рейтерн, упрекнул, "что я вовсе не указываю на средства для ведения войны и предлагаю унижить Россию. Что этого ни он, ни сын его не допустят". Александр пренебрег здравыми доводами своего министра. Денежно-валютная реформа, подготовленная Рейтерном, в которой так нуждалась страна, находившаяся в процессе

крупномасштабных внутренних преобразований, оказалась сорванной. Александр II дал приказ о мобилизации армии, а в апреле 1877 года подписал манифест о начале военных действий.

21 мая, на 60-м году жизни, Александр II выехал из Петербурга в действующую армию и покинул ее только 3 декабря 1877 г. — после падения Плевны, предрешившего исход войны. Он считал своим долгом находиться со своей армией, хотя бы в тылу, где были раненые. Он говорил, покидая столицу: "Я еду братом милосердия". Он терпеливо переносил трудности походного быта, плохие дороги, сохранял строгий режим дня, вставал в семь-восемь часов утра, даже если накануне приходилось лечь глубокой ночью. Он обходил палаты раненых, иногда заходил в операционную, утешал отчаявшихся, награждал отличившихся, всех подбадривал, глаза его часто увлажнялись слезами. В человечности и милосердии отказать Александру II нельзя. Но, к великому огорчению военного министра Д. А. Милютина, попытки самодержца вмешаться в руководство военными делами и порывы "принять участие в бою" вносили только напряжение и сумятицу. В судьбах народов южнославянского мира война сыграла огромную освободительную, прогрессивную роль. Для России последствия этой победоносной войны были неоднозначны. Несомненно, военные успехи и приобретения повысили престиж державы и оттеснили мучительную для россиян память о крымском поражении. Но война потребовала 1 113 348 517 рублей (при общем бюджете в 1878 г. в 600 398 425 рублей), курс рубля понизился с 86 коп. золотом в 1875 г. до 63 коп. в 1878-1880 гг. Денежно-валютная реформа была сорвана. Рейтерн подал в отставку, признав полное поражение своих планов своей политики, продолжавших курс Великих реформ.

Завершение войны сначала Сан-Стефанским миром, а затем решениями Берлинского конгресса, сильно урезавшими его, оставило в обществе горечь разочарования и в итогах победы, стоившей народу многочисленных человеческих жертв, и в возможностях и способностях правительства. Сам канцлер Горчаков, представлявший Россию на

конгрессе, в записке Александру II отмечал: "Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере". Император пометил: "И в моей также".

Дипломатическое поражение России было очевидно и для власти, и для общества. Это не способствовало умиротворению общественно-политической ситуации в стране, как рассчитывало правительство, начиная войну. Напротив, конфронтация усилилась. Как когда-то конституция Царства Польского, данная Александром I, так теперь конституция Болгарии, только что освобожденной русскими, усилила недовольство общества властью. Политические ошибки на престоле повторялись с удивительной последовательностью, уроки истории оставались не востребованными. Патриотический подъем, вызванный войной за освобождение славян, только на короткое время приглушил деятельность революционного народничества, но затем она активизировалась с новой силой. Террор стал основным средством борьбы, а главной мишенью ее — сам император. Одно за другим следовали покушения на Александра II: совершенное А. К. Соловьевым 2 апреля 1879 года, взрыв царского поезда осенью того же года, взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года, стоивший многих человеческих жизней. Два последних покушения были осуществлены уже после вынесения смертного приговора Александру II Исполнительным комитетом "Народной воли" 20 августа 1879 года.

Наступили последние, самые драматические годы его жизни. По настоянию охраны он меняет маршрут своих перемещений, отказывается от прогулок пешком и заменяет их прогулками в саду Аничкова дворца, куда отправляется в открытой карете, окруженный казаками. Он все больше погружается в личную жизнь, тоже полную переживаний. Теперь под одной крышей в Зимнем дворце живут больная, увядающая императрица Мария Александровна и молодая, красивая княжна Екатерина Михайловна Долгорукая, без которой император уже не может провести ни дня, с которой создана новая семья с тремя детьми (две дочери — Ольга и Екатерина, сын Георгий, второй мальчик умер).

Императрица скончалась в конце мая 1880 года, и Александр II, едва прошло 40 дней после ее смерти, 18 июля вступил в морганатический брак с княжной Долгорукой. Князь В. Барятинский, брат мужа младшей дочери Александра II — княгини Екатерины Александровны Юрьевской, в своих воспоминаниях пишет, что в день свадьбы Александр II сказал: "Четырнадцать лет я ожидал этого дня, я боюсь моего счастья! Только бы Бог не лишил меня его слишком рано".

В тот же день он издал указ правительствующему Сенату в котором, объявляя о свершившемся, предписывал дать Екатерине Михайловне Долгорукой титул и фамилию светлейшей княгини Юрьевской (по имени Юрия Долгорукова, к которому восходил ее род), так же как и их троим детям, и присвоить им права законных детей. Указ этот был тайной, как в первое время и сам брак, о котором знали только несколько доверенных лиц, присутствовавших на самой церемонии. Брак Александра II произвел удручающее впечатление на семью императора, на лиц, близких к ней, и вообще на многих представителей "верхов". Некоторые мемуаристы считают, что княгиня Юрьевская надеялась стать императрицей и искала в этом содействия у нового могущественного правителя М. Т. Лорис-Меликова.

Назначенный сначала председателем Верховной распорядительной комиссии, а потом министром внутренних дел, бывший харьковский генерал-губернатор, герой последней русско-турецкой войны, завоеватель Карса, М. Т. Лорис-Меликов стал чем-то вроде диктатора. Умный, энергичный и вместе гибкий, либеральный Лорис-Меликов увидел корень зла в разладе между неограниченной самодержавной властью и просвещенной частью общества. Его политика "волчьей пасти и лисьего хвоста", направленная на решительное подавление революционного движения, одновременно намечала продолжение проведенных Александром II реформ: расширение местного самоуправления, облегчение условий для печати, смягчение цензурных притеснений, завершение крестьянской реформы обязательным выкупом, отставка реакционного министра народного просвещения Д. А. Толстого и др. Но

главным в его планах был проект, который сводился к учреждению Общей комиссии, куда кроме назначенных правительством лиц входили бы представители от земств и городов. Эта Комиссия должна была рассматривать все проекты преобразований. Наряду с ней должны были действовать две подкомиссии: финансовая и хозяйственно-административная. После рассмотрения законодательных проектов комиссиями они должны были вноситься на окончательное обсуждение Государственного совета, в который Лорис-Меликов предлагал послать представителей общественных учреждений.

Зная упорное нежелание Александра II дать стране конституцию, Лорис-Меликов осторожно искал подхода к самодержцу. Возможно, на этом пути он надеялся на содействие княгини Юрьевской, со своей стороны обещая поддержку в возведении ее в императорское достоинство. Барятинский рассказывает, что "в Ливадии Лорис-Меликов вел долгие беседы с Государем в присутствии его супруги о политических делах и о новых реформах. Иногда вскользь во время разговора он делал смутные намеки на то, что народ был бы счастлив иметь царицу — русскую по крови. Делая эти намеки, он сознавал, что отзывается на сокровенные намерения Государя и тем самым все более завоевывает себе его расположение, необходимое для проведения реформ. Александр II мечтал короновать княгиню Екатерину Михайловну императрицей всероссийской, выполнить намеченные государственные преобразования, а затем отречься от престола в пользу цесаревича и уехать с женой и детьми в Ниццу..." Источником этих сведений были предания семьи княгини Юрьевской, они требуют подтверждений и проверки. Но несомненно, что две "диктатуры сердца" (любимой женщины и сильного правителя) переплелись в последний год жизни Александра II и властвовали над ним. По-прежнему влюбленный, погруженный в свою личную жизнь, занятый мельчайшими подробностями ее устройства, вплоть до одежды слуг Ливадийского дворца, куда впервые отправлялась на отдых княгиня Юрьевская после бракосочетания, но усталый от бремени государственных дел, от конфронтации в обществе,

преследуемый террористами, Александр II склоняется к решению, которое категорически отрицал все годы своего царствования. Вот что поведал Д. Милютину об этом последнем акте государственной деятельности императора спустя два месяца великий князь Владимир Александрович (третий сын Александра II): "...в самое утро злополучного дня 1-го марта покойный император, утвердив своей подписью представленный доклад Секретной комиссии и выждав выхода Лорис-Меликова из кабинета, обратился к присутствовавшим великим князьям с такими словами: „Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции“. Однако до публикации правительственного сообщения Александр II решил рассмотреть проект 4 марта в Совете министров.

Террористический акт 1 марта сорвал этот план. Марк Алданов пишет, что княгиня Юрьевская очень просила Александра II не ездить в этот день на развод войск, поостеречься возможных покушений. Но он беззаботно ответил ей, уходя, что гадалка предсказала ему смерть при седьмом покушении, а теперь если и будет, то только шестое.

Спустя немного времени на Екатерининском канале прозвучало два взрыва. Организаторами покушения 4 марта были А. И. Желябов — крестьянин по происхождению, и С. Л. Перовская — представительница аристократического рода. Первая бомба, брошенная Н. Рысаковым, разорвалась рядом с каретой, и сам Александр II остался невредимым.

В отсчитанные судьбой последние минуты жизни очень характерно проявилась его личность и натура. Как пишет П. А. Кропоткин, "несмотря на настоятельные убеждения кучера не выходить из кареты... Александр II все-таки вышел. Он чувствовал, что военное достоинство требует посмотреть на раненых черкесов и сказать им несколько слов... Я мог заглянуть в глубь его сложной души... и понять этого человека, обладавшего храбростью солдата, но лишённого мужества государственного деятеля". Вторая бомба, брошенная И. И. Гриневецким, достигла цели. "Вскоре, доставленный в Зимний дворец, в 3 1/2 часа пополудни он скончался от потери крови. Умирал Александр II на

солдатской кровати, покрытой старой военной шинелью, которая служила ему домашним халатом. Это описание еще раз воскрешает слова Николая I, который хотел видеть в своем наследнике „военного в душе“.

1 марта трагически пресекло и государственные преобразования, призванные увенчать "великие реформы", и романтические мечты монарха о личном счастье.

Накануне перемещения останков Александра II из Зимнего дворца в Петропавловской собор княгиня Юрьевская остригла свои великолепные волосы и положила их к рукам усопшего супруга. По настоянию Александра III она с детьми вскоре покинула Петербург и Россию, взяв с собой на память из личных вещей Александра II все, что относилось к трагедии 1 марта, включая нательный крест, бывший на нем, и его семейные иконы. За границей она жила в Ницце и Париже, где для нее были куплены дома. О средствах к жизни позаботился заблаговременно Александр II, который перевел на ее имя за два месяца до смерти около 3,3 млн. руб. из своего капитала, составлявшего более 14,6 млн. руб. Она умерла в Ницце 15 февраля 1922 г. на 75-м году жизни, оставшись до конца дней верной своей любви, как пишут мемуаристы. В 1931 г. реликвии, принадлежащие ей и вывезенные из России, попали на аукционы в Париже и Лондоне и были распроданы, включая маску, снятую с Александра II 3 марта 1881 г. Столь же трагическим, как личная судьба Александра II, был и исход его последнего государственного деяния. Как свидетельствуют очевидцы, настроение в Зимнем дворце изменилось поразительно быстро, сразу же в день смерти Александра II: "Чувствовалось, что все сподвижники покойного Императора уже если не в опале, то недолго будут продолжать вести государственные дела". Лорис-Меликова открыто упрекали в случившемся. Заседание, назначенное Александром II на 4 марта, состоялось в присутствии Александра III 8 марта. Драматичность столкновения сторонников проекта Лорис-Меликова (великий князь Константин Николаевич, Д. Милютин, А. А. Абаза, Валуев) и оппозиции, нашедшей особенно яркое выражение в мрачно-обличительной речи К. П. Победоносцева, хорошо

известна. Заседание не приняло решений, но фактически предрешило вопрос. 29 апреля, неожиданно для большинства, появился манифест, составленный Победоносцевым, провозгласивший волю императора охранять незыблемыми устои самодержавия. Лорис-Меликов, Милютин, Абаза, Сабуров вышли в отставку, великий князь Константин Николаевич был уволен с поста генерал-адмирала и главы морского ведомства, а также председателя Государственного совета. Мирный путь движения к правовому государству и конституции был исчерпан. Трагедия царя-освободителя обернулась трагедией России. "Грустно действительное положение России, и страшно подумать о том, что ожидает ее в будущем", — записал в своем дневнике в июне 1881 г. Д. А. Милютин, навсегда покинувший Петербург и поселившийся в Крыму, как и опальный брат Александра II великий князь Константин Николаевич. Что так страшило одного из самых последовательных и долговечных (20 лет на посту министра) деятелей Великих реформ и всего царствования Александра II? "Какова же будет их программа?" — задавался вопросом Милютин, оценивая Победоносцева, его компанию, наступление нового правления. И отвечал уже через две недели после трагедии 1 марта: "Реакция под маскою народности и православия — это верный путь к гибели для государства".

Вместо эпилога

Дело и слава царствования Александра II — Великие реформы, которыми начинался перелом, поворот России от крепостничества к свободе, оказались в конечном итоге подчинены той государственности, которая сложилась на основе крепостного права, а в конце концов погребены под ней. Развязка этой трагической истории произойдет уже в двадцатом веке, когда будет убит последний реформатор самодержавия П. А. Столыпин. Будет убит в Киеве в 1911 г., куда он отправился на торжественное открытие памятника царю-освободителю в связи с полувековым юбилеем отмены крепостного права. В столе Столыпина останется пакет проектов реформ, продолжающих преобразования

России. Однако самодержцами и реформаторами время было безвозвратно упущено. Россия стояла на пороге войны и революций, которые потрясут мир.

Возможность трагического финала вступления России на путь либеральных преобразований осознавалась еще накануне отмены крепостного права одним из убежденных реформаторов А. И. Головинным. Он писал 24 июля 1860 г. из Петербурга А. И. Барятинскому после двухмесячной ознакомительной поездки по центральным, исконно русским губерниям: "Признаюсь, что будущее кажется мне крайне беспокойным. ...." Рассматривая вблизи состояние страны и вспоминая бюджет государства, я нахожу, что за последние 40 лет правительство много брало у этого народа (крестьянства. — Л. 3.), а дало ему очень мало. Оно брало людьми, прямыми и косвенными налогами, тяжелыми работами и т.д., — брало большую часть его доходов, а затем народ, благодаря дурной администрации, платил гораздо более, нежели казна получала. ...." Деньги, получаемые с податей, не тратились на их настоящие потребности, наиболее необходимые (народное образование, Церковь, дороги, суды и т. д. — Л. 3.). Все это было большой несправедливостью, а так как каждая несправедливость всегда наказывается, то я уверен, что наказание это не заставит себя ждать. Оно настанет, когда крестьянские дети, которые теперь еще только грудные младенцы, вырастут и поймут все то, о чем я только что говорил. Это может случиться в царствование внука настоящего государя. ...." Император прекратит одну из наибольших несправедливостей, которая длилась целые века, — крепостную зависимость, и этой прекрасной мерой он стяжает себе бессмертие во всемирной истории и величайшее имя в истории народной цивилизации. Благодаря этой мере и покорению Кавказа слава уже приобретена; он готовится к мирному царствованию для своего сына. Он мог бы удвоить славу и завещать внутренний мир своему внуку, если бы захотел устранить другую несправедливость, о которой я только что говорил". Однако этого не произошло. И внук увидел непокорное, поднявшееся на борьбу крестьянство еще в 1905—

1906 г., а затем и в 1917 г., который подвел черту для всей фамилии Романовых и для российской монархии в целом. И если первое — конец Романовых — не очень пугало самого Александра II в начале 1860-х гг., когда он посылал брата, великого князя Константина Николаевича, наместником в Царство Польское ввиду назревавшего там мятежа, то второе — конец монархии — воспринималось как крах российской государственности и Великой Державы.

Этот отдаленный и опосредованный результат Великих реформ, прославивших Александра II и его царствование прямо противоположный их целям, объясняется переплетением многих объективных и субъективных, важных и малозначительных, глубинных и случайных причин и факторов, среди которых определенная роль принадлежит и личности царя-освободителя. Он имел смелость и разумность отменить крепостное право и приступить к строительству правового государства, но при этом оставался фактически пленником той системы, фундамент которой начал упразднять своими реформами.